

ВЛАДИМИР ВЕЛИКИЙ

КЛЯТВООТСТУПНИК

18+

Владимир Великий
Клятвоотступник

«Автор»

2008

Великий В.

Клятвоотступник / В. Великий — «Автор», 2008

Группа советских войск в Германии, Западная группа войск - форпост защиты завоеваний социализма в Европе. Почти за полвека существования самой мощной военной группировки в мире в ее рядах прошли ратную закалку около 7 миллионов советских военнослужащих, из них - 540 тысяч офицеров и генералов, 180 тысяч прапорщиков и более 5 миллионов солдат и сержантов. В разные годы здесь работало более 400 тысяч рабочих и служащих. Надежным «тылом» группировки были члены семей военнослужащих. Всего на территории ГДР жили и работали почти 8,5 миллиона наших соотечественников. Все они с честью выполнили свой долг перед Родиной...Их же было около шестисот человек. Они изменили военной присяге. Они не вернулись домой, остались на Западе. Их называли предателями, изменниками Родины, дезертирами. Дома их ждала тюрьма. Среди бывших классовых врагов они искали простого человеческого счастья. Настоящая книга посвящена одному из тех, кто по своей воле очутился на чужбине.

© Великий В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава первая.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Владимир Великий Клятвоотступник

Сей труд посвящаю Берте Теодоровне Фрай, моей любимой женщине...

Глава первая.

Сынок, не опозорь светлую память о нашем прадеде...

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил СССР, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином... клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине...». Слова из текста Военной присяги раздавались в разных концах большого строевого плаца. Очередное молодое пополнение Западной группы войск, название, которое она унаследовала 29 июня 1989 года от Группы советских войск в Германии, давало торжественную клятву на верность своей армии, своему народу.

Среди молодых солдат был и рядовой Александр Кузнецов. Он с нетерпением и с тревогой ожидал команды командира роты, который вот-вот должен был пригласить его для принятия присяги. Юноша в военной форме то и дело шевелил губами, повторяя про себя текст торжественного обещания, который он, как и многие его товарищи, знал наизусть. Свою фамилию молодой солдат услышал как-то неожиданно. Он тотчас же сильно ударил левой рукой по плечу впереди стоящего солдата и строевым шагом вышел из строя. Сделав три шага вперед, Кузнецов замер и встал навытяжку. Капитан строевым шагом подошел к новобранцу и передал ему папку, в которой был текст присяги. Затем громко дал команду:

– Рядовой Кузнецов, к принятию Военной присяги приступить...

Молодой солдат в правую руку взял папку, левой сжал приклад автомата. Он прочитал только два абзаца текста, как сильно рванул ветер. Папка неожиданно выпала из руки солдата и мощный поток ветра понес ее по плацу. Новобранец неожиданно для себя услышал хохот. Кто-то из военнослужащих, скорее всего, это был «дед», громко прокричал:

– Смотрите-ка, этот салага даже принять Военную присягу по-человечески не может. А что у него будет потом?

Дальнейшее изречение «деда» прервал командный голос офицера:

– Рядовой Макулов, прекратите разговоры... Лучше бегите за папкой и принесите ее ко мне, как можно быстрее...

Из строя неспеша вышел солдат, который то и дело корчил гримасы, что явно смешило стоящих в строю «стариков». Кузнецов искоса посмотрел на вышедшего, тот был казах. В национальности армейского старика он несколько не сомневался. В его родной деревне Найденовке казахов было предостаточно. Они стали валить сюда гурьбой особенно тогда, когда в стране началась перестройка. Поход за папкой продолжался недолго, минуты три. Макулов ускоренным шагом подошел к офицеру и доложил о том, что лист с текстом присяги в нескольких местах порван и залеплен грязью. Запасной папки у офицеров не оказалось, не было таковой и у соседей. Замполит роты, офицер с очень бледным лицом, скорее всего, он чем-то болел, стремительно помчался в казарму за резервной папкой, которая находилась в канцелярии подразделения. На какое-то время торжественная обстановка улетучилась, кое-кто в строю зашучукался.

Выход из создавшегося положения нашел ротный командир. Он весело улыбнулся и спросил стоящего навытяжку «неудачника», который чуть-чуть не плакал:

– Рядовой Кузнецов, я надеюсь, что Вы текст Военной присяги знаете наизусть... Или нет?

Солдат сначала на вопрос офицера никак не прореагировал. Он какие-то доли секунды молчал, словно еще раз проверял свои возможности наизусть прочитать текст присяги. Затем громко ответил:

– Так точно, товарищ гвардии капитан...

После этих слов солдат напыжился, глубоко вдохнул и выдохнул. Затем, словно на него смотрел весь человеческий мир, он начал громко чеканить:

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил СССР, принимаю присягу и торжественно клянусь...

Рядовой Кузнецов, единственный сын простой крестьянской семьи Антонида и Николая Кузнецовых, действительно искренне и честно клялся на верность своей Родине, своему народу. Он был настолько взволнован, что его суровое лицо стало розовым. На широком и прямом лбу выступили большие капельки пота. От громового голоса высокого деревенского парня, одетого в военную форму, стали даже разлетаться в стороны птицы, которые до этого мирно сидели на больших раскидистых каштанах.

– Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа...

Последний абзац присяги солдат произнес с особым вдохновением и пафосом, у него даже в это время почему-то учащенно забилось сердце, запершило в горле. На несколько мгновений наступила тишина, все и вся вокруг затихло. Молчал и тот, который только что громовым голосом отчеканил текст священной клятвы. Кузнецов сам не мог осознавать, как он ее прочитал, хорошо или плохо. Он только тяжело дышал и напряженно смотрел в одну точку перед собою. Куда солдат смотрел и почему он туда смотрел, никто из его сослуживцев не знал. Да и знать не мог потому, что этого не знал и сам Александр Кузнецов. Молодой человек в солдатской шинели крепко сжимал обеими руками автомат и молчал. Из его глаз текли слезы. Волнение подчиненного и, конечно, его слезы моментально заметил капитан Макаров. Он улыбнулся и немного крякнул, затем очень громко скомандовал:

– Рядовой Кузнецов, к подписанию присяги приступить!

Команда офицера, словно молния, пронзила голову солдата. Кузнецов строевым шагом подошел к столу и взял авторучку. Затем наклонился над папкой и с трудом отыскал свою фамилию. От волнения его правая рука почему-то сильно дрожала. Александр с трудом преодолел волнение и как можно четче и красивее сделал свою подпись. Он впервые так старательно и очень ответственно подписывался под первым, как сейчас он считал, самым важным в его жизни документом. Раньше Санька несколько раз расписывался, однако тогда серьезного значения своей подписи паренек не придавал. В этот же день эта подпись для повесы из глухой сибирской деревни очень многое значила. И не только значила, но и многому, очень многому его обязывала. После того, как солдат сделал подпись, он повернулся лицом к строю и опять замер. Приведенный к присяге ждал очередной команды от своего командира, ее почему-то не было. И это заставляло молодого солдата опять волноваться. Кузнецов, словно истукан, стоял навытяжку и смотрел вверх строя солдат роты, в которой ему с этой минуты предстояло служить. Неожиданно до него донеслась четкая команда капитана:

– Рота, смирно! За усердие, проявленное в период подготовки и принятия Военной присяги, рядовому Кузнецову от лица службы объявляю благодарность...

Затем офицер повернул голову в сторону почти двухметрового солдата, который, скорее всего, еще не мог понять того, почему и за что ему объявили впервые в его жизни благодарность. Кузнецов медленно и с недоумением повернул голову в сторону командира и громко произнес:

– Служу Советскому Союзу!

После отбоя рядовой Кузнецов еще долго не мог заснуть, хотя очень сильно хотелось спать. Последнюю неделю на сборах молодых солдат, перед тем как его направили служить в первую роту первого мотострелкового батальона, он спал практически по три-четыре часа. Командир первого отделения сержант Тонконос был очень строг к молодым солдатам. Подчиненный из его отделения «отбивался» только после того, как четко и без всякой запинки

рассказывал наизусть обязанности солдата или текст присяги. Младший командир не тратил свое драгоценное время для сна ради каких-то салаг. После отбоя к нему устремлялись двое-трое новобранцев, желающих сдать зачет. Сдача, как правило, заканчивалась неудачей. Стоило солдату где-то запнуться или нечетко выговорить слово, как экзаменатор взмахивал рукой. Это означало, что следующий прием будет только через два дня. Неудачник с понурой головой направлялся в Ленинскую комнату учить устав.

Очередной контроль осуществлялся по его же личной инициативе и почти всегда включал в себя своеобразный «предбанник». Если ученик был уверен в своих силах, то сначала шел к дневальному. Внутренний наряд на сборах молодых солдат состоял из старослужащих. Дневальный не удосуживал себя тщательным прослушиванием и восприятием того, что говорил его собрат. Он просто-напросто сидел на тумбочке и презрительно, а то и с сожалением, смотрел на салагу в новенькой военной форме, который, словно заводной, в пятый, а то и в десятый раз чеканил вслух обязанности солдата или текст Военной присяги. Оценка дневального, как правило, не всегда была объективной. «Салага» опять уходил в Ленинскую комнату и зубрил устав, зубрежка длилась еще пару часов. Сдавать экзамен ночному экзаменатору повторно категорически запрещалось. В независимости от исхода экзамена для салаг следовал «довесок», они должны были до блеска вычистить часть территории, закрепленной за внутренним нарядом. Это был, как правило, туалет или коридор. Продолжительность военной «барщины» длилась иногда довольно долго, вплоть до подъема. Были и исключения. Барщину мог прервать дежурный по части или офицеры роты, которые иногда контролировали ночной покой своих подчиненных или несение службы внутренним нарядом. Отработку мог прервать и командир отделения, который по естественной нужде выходил из спального помещения. После информации дневального тот лично принимал решение о помиловании или наказании своего подчиненного. Счастливчик мгновенно бежал в спальное помещение отсыпать последние часы или минуты долгожданного сна. Тот, кто не был помилован, вынужден был вновь идти «советоваться» с вождем мировой революции...

Желание хорошо выспаться было и у рядового Кузнецова, который только что начинал обживаться в новом подразделении и на новом месте. После команды: «Рота, отбой!», Александр сразу же ринулся в спальное помещение. Через пару минут он уже лежал в постели, кровать находилась на втором ярусе. Приятный запах чистых простыней благоприятствовал сну молодого солдата, в просторной комнате также было тихо. Только кое-где раздавался храп или тихий полусшепот. Вскоре стало тихо и в коридоре. Дежурный офицер в прямом смысле загонял подчиненных в спальное помещения, которые по разным причинам еще продолжали бродить по казарме.

Относительная тишина способствовала притоку все новых и новых мыслей в голову армейского салаги. Кузнецов про себя улыбнулся, когда начал думать, что он, скорее всего, впервые в истории Вооруженных Сил, пусть даже в истории этого мотострелкового полка, за столь короткое время службы получил благодарность от командира роты. Хотя ему за знание текста присяги денежного довольствия не добавили, но такой «взлет» приводил его к мысли, что через полгода он получит звание младшего сержанта и будет командовать целым отделением. Большого желания получать звание ефрейтора у сибиряка не было, служивому солдату не хотелось ходить с одной «соплей» и видеть ухмылки своих однополчан.

От мечты стать младшим командиром солдат перенесся к воспоминаниям о гражданской жизни, которую, как ему казалось, он покинул уже очень давно. Кузнецов закрыл глаза и ему сразу же представилась его родная деревня. Перед ним возник Петька Сорокин, который первый сообщил ему о том, что его забирают в армию. Пятиклассник от своего дома бежал во всю прыть на самую окраину деревни к покосившейся деревянной постройке, в которой находились последние пятьдесят совхозных коров. Саша вместе со своей матерью управлялся со скотиной. Пацан, увидев призывника на сеновале, закричал еще истошней:

– Ей, Кузнец, тебя сегодня в армию забирают... В армию тебя забирают... Ты, Санька, слышил?

Двухметровый верзила, словно эта информация мальчишки его не касалась, спокойно продолжал дергать вилами сено из большого стога. Лишь после того, как школьник вручил ему в руки маленькую бумажку, Кузнецов несколько опешил. Ему не верилось, что этой осенью его заберут в армию. Об отсрочке от военной службы, правда, на неопределенный срок, Александру говорил сам районный военный комиссар. Майор отсрочку мотивировал тем, что пока не найдется отец призывника, его могут не взять в армию. Он оставался единственным ребенком у матери, к тому же, она очень часто болела. Женщина со слезами на глазах и с целой кипой всевозможных справок упрашивала офицера не брать сына в армию, хотя бы до появления мужа. Младший Кузнецов довольно часто плакал по отцу, свои слезы от матери скрывал. О странном исчезновении отца юноша узнал еще в профессионально-техническом училище, в котором учился без всякого желания. В итоге он его не закончил, несостоявшегося каменщика отчислили за неуспеваемость и за большой пропуск занятий.

Отец Саньки исчез неизвестно куда в конце сентября, буквально через неделю, после того как он с женой в районном центре Изумрудное продал быка. Животину хотели продавать позже, однако жизнь заставила сделать это раньше. Деньги за мясо по крестьянским меркам были очень большие. Они были семье очень кстати, в деревне уже полгода люди не получали зарплату. Антонида очень тщательно готовила своего мужа к визиту в областной центр. Она исписала целых два листа из ученической тетради с перечнем необходимых покупок. Хозяин, прочитав многочисленные заказы хозяйки, весело засмеялся и с ухмылкой произнес:

– Ну и ты, паря, даешь... Антонида, ты хочешь, чтобы я все это за один раз на своем горбу принес к тебе в дом. Упаси Бог, такого не будет. В крайнем случае, я сделаю несколько ходок или попрошу своих знакомых горожан, которые все твои заказы привезут на машине...

Антонида предложения своего мужа встретила в штыки. Она, чуть не плача, с надрывом заголосила:

– Я тебя знаю, пьянь несусветная. Ты со своими городскими собутыльниками все деньги пропьешь. Меня и сына по миру без куска хлеба и без копейкипустишь... Я бы Сашку с тобою отправила, да он мне нужен позарез на ферме. Да и денег много надо на билеты... Ты же ведь, пьянь несусветная, знаешь о том, что у меня спина вот-вот откажет...

Больше жена своему мужу ничего не сказала, она только горько заплакала и вышла вон. Через час ей нужно было идти на ферму, предстояло еще найти и своего двухметрового «балбеса». Так мать прозывала своего сына, который вообще отбил от родительских рук...

Через некоторое время хозяйка вернулась в дом обратно, болела душа за свои кровные. По ее настоятельной просьбе Николай деньги для сохранности завернул в носовой платок и еще застегнул булавкой внутренний карман потрепанного пиджака. Мужчина из областного центра Омино через день не вернулся, как об этом его просила Антонида. Не появился он в Найденовке ни через два дня, ни через неделю. Супруга забила тревогу, принялась бегать по деревне и расспрашивать односельчан. Никто из них ее мужа не видел: ни в городе, ни в деревне. Страшно забеспокоился и управляющий фермой, внезапно пропавший, хоть и пьяница, тому был нужен позарез. В деревне, в которой каких-то пять лет назад проживало свыше пятисот человек и было около полтора десятка дворов, осталось всего и вся с гулькин нос. Из почти сотни жителей часть была немощной. Местный чиновник исчезнувшего к числу последних не относил. С каждым часом терпение ожидать своего мужа у Антониды Кузнецовой лопалось, она принялась писать письма. В течение недели известила около десятка близких и дальних родственников, которые проживали во всех концах большой страны. Она бы и больше писем написала, однако не знала точных адресов, не было также денег для покупки конвертов с марками.

Антонида успела съездить и в районный центр. Ездила туда на совхозной кобыле верхом, Изумрудное находилось в двух десятках километрах от деревни. Специфический вид транспорта селянка выбрала не от хорошей жизни и не по своей прихоти или желанию. Ехать на лошадке пришлось из-за отсутствия денег, к такому транспорту прибегало все больше и больше селян. В совхозе после уборки урожая машины и трактора вообще стояли на приколе, не было ни бензина, ни топлива. Деревенская заправка была закрыта. Безработный заправщик дед Матвей довольно часто от безделья пил или спал в сторожке. Владельцы мотоциклов то и дело попешему приводили своих железных «коней» к цистернам, стучали по ним. Довольно звонкий гул оных никому настроения не прибавлял. Во времена совершенствования социализма маршрутный автобус приезжал в деревню утром и вечером, в условиях нарождающейся демократии он перестал ходить вообще.

Посещение районного отдела внутренних дел дало Антониде определенную надежду на успешный поиск своего мужа. После того, как она представилась и основательно рассказала причину своего визита в милицию дежурному офицеру, ее сопроводили в кабинет на второй этаж. Лысоватый майор, скорее всего, он был каким-то начальником, очень внимательно выслушал плачущую женщину. Во время беседы мужчина что-то помечал в своей записной книжке. В кабинете и возле выхода из здания серьезного учреждения начальник все время успокаивал еще относительно молодую посетительницу и при этом приговаривал:

– Антонида Петровна, Вы будьте спокойны, очень спокойны... Наша советская милиция всегда едина с нашим советским народом... Вашего мужа мы обязательно найдем... У нас на такого брата целая картотека. Завтра же все ответственные и безответственные работники милиции нашей области будут знать о том, что пропал ваш любимый муж Николай...

На какие-то доли секунды офицер замолчал. Скорее всего, он запомнил отчество пропавшего. Антонида уже было намеревалась открыть рот и сказать отчество своего мужа, однако офицер быстро нашел выход из неожиданно создавшейся пикантной ситуации. Он очень серьезно посмотрел на женщину и по-военному строго произнес:

– Мы во что бы то ни стало найдем Николая... Батьковича...

Посетительница и на этот раз от поправок родословной своего мужа воздержалась, ее душа в данный момент постепенно наполнялась спокойствием и радостью. Она с любовью смотрела на офицера и уже в успехе милиции нисколько не сомневалась. Завтра, а может даже и сегодня вечером, ее родной беглец будет найден и доставлен самим начальником. Майор несколько раз ее об этом сам заверял. Пропавшего мужа в Найденовку доставит только он сам лично. И никто иной. По дороге домой крестьянка свою лошадку не стегала прутом, она была во власти сладостных мыслей. Антонида намеревалась в корне изменить отношение к своему непутевому мужу. Мечтала о том, что завтра они будут жить лучше и любить друга друга будут слаще, чем это они делали раньше. Успела поразмышлять и о скромных подношениях большому начальнику. Но увы... Непутевого Антониде не доставили ни через месяц, ни через два... Не увидел родного отца и сын, который покидал свою родную деревню, чтобы с честью выполнить свой долг перед Родиной...

Теплые воспоминания молодого солдата о родной деревне неожиданно кто-то прервал, прервал очень грубо и нагло. Он сразу же это понял, как только его в темноте кто-то сильно ударил ниже пояса. Он от страшной боли вскрикнул и открыл глаза, затем быстро привстал. В его лицо тотчас же впился ослепительный луч электрического фонарика, Александр мгновенно закрыл руками глаза. И в этот же момент его опять сильно ударили, ударили чем-то тяжелым по голове. Он сразу же почувствовал, как на его макушке молниеносно вскочил волдырь. Ему захотелось его пощупать, однако этого он не успел сделать. Через несколько мгновений он почувствовал страшную боль в плече, затем между ног... Только сейчас он понял, что его просто-напросто избивают. Ему, парню двухметрового роста не верилось, что его в первую ночь, да еще в отличной роте прославленного капитана Макарова, будут бить. И это ему при-

бавило смелости и силы. Александр быстро прыгнул с кровати и рванулся к выходу. Выбежать в коридор казармы ему не удалось. Кто-то подставил ему подножку, и он, словно подкошенный сноп, упал на пол. Из носа мгновенно появилась кровь. В этот же момент в спальном помещении вспыхнула электрическая лампочка. Кузнецов в окровавленном нательном белье лежал между двумя рядами двухъярусных кроватей и мутными глазами водил то по потолку, то вокруг себя. Неожиданно в углу возле окна он увидел четырех молодых парней, одетых в спортивные костюмы. В том, что они были «стариками», он уже несколько не сомневался. Среди сидящих на кровати нижнего яруса он сразу же узнал армейского деда Макулова. Казах с презрением смотрел на ниспроверженного великана и все время почему-то сквозь кривые зубы плевался. Наконец ему это занятие надоело, и он ехидно произнес:

– Ну как, салага, дела? Почему ты нас не приветствуешь? Али ты забыл то, кто в нашей армии правит? Тебя, урод, что не научили армейской субординации на сборах молодых солдат? Мой отец и тот когда-то почести Гречко отдавал...

На какое-то время казах замолчал, молчали и остальные старики. Молчал и «салага». Он только иногда прикладывал руку к своему носу, стремясь хоть как-то остановить кровь. Игра в молчанку надоела старослужащим. Один из них, который был очень тощий и даже, скорее всего, немощный, неожиданно встал и подбежал к лежащему. Затем с силой его пнул. Кузнецов от боли вскрикнул и сжался в комок, удары последовали еще и еще...

Последующие удары он уже не чувствовал. Ненависть к старикам, к этим извергам его переполняла. Мысль отомстить за себя, постоять за свое достоинство, как человека, мгновенно пронзила его сознание и душу. Он на какой-то миг вспомнил армейские «мемуары» своего отца, который довольно часто рассказывал своему единственному сыну о важности в драке бить всегда первым. Отец, проходя службу на китайской границе, ударил черпаком «старика» за то, что тот без всякого стеснения съел у него два белых куска хлеба. Все то, что происходило в дальнейшем, сын старшего Кузнецова уже не мог осознавать...

Он молниеносно поднялся и рванулся к первой солдатской тумбочке, на которой лежал солдатский ремень. Затем, взяв ремень в свои руки, он стремительно бросился к «старика» Макулову, который продолжал мирно чесать свою спину и вести непринужденный разговор со своими сослуживцами. Двое ему подобных также сидели на кровати, и раскрыв рот, слушали армейские сплетни своего жоака. Тощий в это время стоял возле молодого солдата и ждал очередных указаний от тройки. Он и глазом не успел моргнуть, как увидел испуганную физиономию своего жоака, шея которого почему-то оказалась в прочных «объятиях» солдатского ремня. Попытка тощего прийти на помощь Макулову не увенчалась успехом. Не успел он еще и сделать трех шагов в сторону кровати, на которой восседали дембеля, как получил от салаги сильнейший удар ногой в живот. От удара дембель мгновенно присел и стремительно опустился на пол. Услышав истошный хрип казаха, сидящая двойка испуганно бросилась вон из помещения. Куда и зачем эти дембеля утекли, взбеленившемуся молодому солдату сейчас было не до этого. Он видел перед собой только очень смуглую рожу казаха и его кривые зубы. Кузнецов с силой стягивал оба конца ремня и истошно кричал:

– Ты, старик, еще меня только тронь... Убью сейчас тебя, чурка из кизяка... Ты понял?

Солдат второго года службы Макулов в ответ ничего не говорил, он сильно хрипел и только. Из его узких, черных глаз катились слезы. На какое-то время ему удавалось открывать рот и шевелить языком. О чем говорил или просил Макулов, «палач» двухметрового роста так и не мог понять, да и понимать он не хотел. Ему было сейчас не до этого, жажда мести брала свое...

Развязка драки наступила минут через десять. Дежурный по части, седовласый майор, открыв дверь спального помещения, был ошарашен увиденным. В пустом помещении находилось трое солдат. Двое из них, один очень маленький, а другой длинный и тощий, лежали на полу. Между ними на корточках сидел с наголо остриженными волосами солдат и поочередно

отпускал «почести» пряжкой солдатского ремня на голые задницы лежащих. Во время экзекуции старики издавали нечеловеческие крики и вопли...

Рядового Кузнецова с гауптвахты забрали только к вечеру. Дежурный по части решил дать время для обдумывания только что новоиспеченному солдату. Забирал молодого «старика» командир роты. Капитан был практически такого же роста, что и его подчиненный. Офицер был только значительно мощнее по фигуре, от этого он выглядел настоящим великаном. В этот вечер в канцелярии первой мотострелковой роты до поздней ночи горел свет. Никто из личного состава подразделения не мог знать содержание затянувшейся беседы между офицером и молодым солдатом. Не пытались делать «разведку» и старослужащие. Они просто-напросто очень боялись своего мощного командира, который уже порядочно «засиделся» на отличной роте. Продолжительная беседа была своеобразной игрой в одни ворота. Начальник задавал вопросы, подчиненный очень сухо на них отвечал. Александр, внимательно наблюдая за тем, как ротный старательно заносил его информацию в свой толстый «талмуд», иногда бросал изучающий взгляд на своего командира. На какие-то доли секунды их взгляды даже перекрещивались. Солдат первым не выдерживал и отводил свои глаза в сторону...

После завершения продолжительной беседы офицер встал из-за стола и крепко пожал руку своему подчиненному. Затем, немного подумав, он уверенно произнес:

– Знаешь, сибиряк... Бери сейчас свой матрац и неси его в зенитное отделение. Будешь продолжать службу у сержанта Дубровина. Он очень грамотный командир, да и ребята у него без всяких изъянов. Я этот перевод уже с замполитом обсудил, он также не против... Жалко то, что наш комиссар сегодня уехал в госпиталь...

Затем офицер опять присел за стол и снова придвинул к себе талмуд. Кузнецов, стоявший навтыжку, на обложке толстой тетради прочитал: «Книга индивидуальных собеседований с личным составом первой мотострелковой роты». Капитан непонятно почему улыбался и что-то помечал в своей тетради. Затем он ее закрыл, и откинувшись на спинку стула, оживленно проговорил:

– Кузнецов, у меня только-что идея в голове появилась... У нас скоро в полку соревнования по боксу будут. Наш полковой отец очень страстно любит бокс. Я ему уже порядочно приелся, да и возраст у меня уже не тот... Одним словом, я тебе даю возможность тренироваться. Тренировки только в свободное время. Как и где, это твои проблемы... В организации твоего бокса поможет сержант Дубровин. Я ему об этом скажу...

Офицер на прощание еще раз крепко пожал солдату руку и с гордостью произнес:

– Слушай меня, земляк... Я тебе честно скажу... Первый удар ротных дедов ты выдержал с честью... Ты действовал, как настоящий сибиряк... Ты, салага, наверное, не читал книги про героизм наших земляков. Они в годы войны шли в атаку в полный рост, именно сибирские полки спасли Москву...

Вторая ночь у молодого солдата Кузнецова в отличном подразделении прошла без всяких эксцессов, однако он опять всю ночь не спал. Причиной этому были уже не старики солдатской ранжирной системы. Думы о своих родителях, да и не только о них, заполняли голову вчерашнего гражданского человека. Погруженный в эти мысли, он довольно часто смахивал рукой слезы...

После драки со стариками и беседы с ротным командиром Александр как-то по-другому стал воспринимать свое прошлое. Сейчас он очень сожалел, что не закончил десятилетку. Она могла бы открыть ему путь в институт. Время перед службой в армии он «просвистел». Даже в ПТУ по-настоящему не учился, к занятиям не готовился, довольно часто их пропускал. По этой причине он не стал каменщиком, его просто-напросто выгнали. Не задумывался он и над слезами матери, которая всегда плакала, когда получала письма от директора училища. Он не был помощником и в домашнем хозяйстве. Он даже не помогал родителям при заготовке сена или дров. Они, скорее всего, и сами не хотели по-настоящему приобщать к деревенскому труду

своего единственного сына. Этим и пользовался он. Лишь после исчезновения отца Санька несколько исправился в лучшую сторону, он стал помогать матери на ферме. Скорее всего, у беззаботного детины тоже было сердце, ему надоели стоны матери по ночам.

Еще довольно молодая женщина очень часто жаловалась на боли в спине. Антонида пару раз ездила в районную поликлинику, там не помогли. Она также сделала попытку полечиться у знахарки в областном центре. Она, взяв с собой областную газету с объявлением, согласно которому неизвестная доселе кудесница излечивала все мыслимые и немыслимые болезни, сломя голову, ринулась к своей спасительнице. Молодая особа очень приветливо встретила больную, спросила о житье-бытье. Затем попросила крестьянку раздеться по пояс и лечь на облезлый палас, который был расстелен на полу. От «простыни» сильно несло запахом кошачьей мочи. Врачевательница изгоняла болезнь без всяких уколов и таблеток. Она, держа в руках не то гвоздь, не то обрубок проволоки, сделала пару кругов возле лежащей и властно прокричала:

– Эй, Иван, заводи другую больную... Эта уже готовая...

Иван, мужчина лет сорока, муж хозяйки, а может, и ее сожитель, быстро открыл окно и также зычно прокричал в небольшую толпу больных, которые коротали время у входа в подъезд:

– Товарищи и господа! Кто из вас следующий? Давай беги к нам...

От очень короткого медицинского сервиса довольно симпатичной знахарки Антонида чуть было не потеряла дар речи. Взяв в охапку бюстгалтер и кофту, она рванулась к хозяйке. Та открыть ей рот не дала. Кудесница мило улыбнулась и произнесла:

– У Вас, дорогая женщина, сейчас все будет в полном порядке... Боли исчезнут через пару недель... Свои денежные пожертвования положите в книгу, она лежит возле столика у входа...

Денежных пожертвований у пациентки из глухой деревни не было, в город она на электричке приехала «зайцем». Иван от двух гусиных тушек не отказался. Боли у крестьянки через две недели не прошли, не прошли они и через месяц, и через год...

Младший Кузнецов не оставил на своей родине и невесты. Он сейчас и сам, находясь в центре Европы, не мог понять, почему так получилось. Сашка себя к категории уродов никогда не относил. Все было даже, наоборот. Почти все его деревенские одноклассницы, да и многие девчата из ПТУ, были в восторге от силы молодого парня. На всевозможных танцульках Санька-Верзила всегда был в центре женского внимания, даже несмотря на то, что он не умел по-настоящему танцевать. Александр сам никогда девушек на танцы или в кино не приглашал, он их страшно стеснялся. Они его сами приглашали. Кое-кто из представительниц слабого пола, разные по возрасту и по внешности, считали для себя честью потанцевать с парнем двухметрового роста. Некоторые просили его проводить, проводы заканчивались возле дома или у входа в общежитие. Побывать в квартире какой-либо девушки, не говоря уже переспать с ней, парню до армии так и не удалось. Девчата, вполне возможно, хотели просто-напросто позабавиться с ним, как с своеобразным чудом природы. Санька и сам не мог понять того, в кого он так сильно вымахал. Отец и мать были среднего роста, по словам родителей все предки были ниже их.

Только перед самым уходом в армию Александру Кузнецову впервые в своей жизни удалось поцеловать девушку, да и то немку. Поинка полгода назад приехала в Найденовку из Казахстана, ее родители ожидали из Германии вызов. Девушка денно и ночью тараторила своим деревенским сверстникам, да и не только им, о том, что в Германии очень хорошо жить. По ее суждениям оказывалось, что даже получатели социальной помощи ездят на современных машинах. Верзила тогда не имел большого желания во все эти сплетни вникать. Однако то, что безработные переселенцы из Советского Союза через какой-то год или даже через месяц ездят на машине, вызывало у молодого парня определенную зависть и уважение к тем, кто жил

в этой богатой стране. В Найденовке ни у кого легковых машин не было, за исключением деда Семена Конотопа, участника войны. Дед свой «Запорожец» страшно любил и очень оберегал, на машине ездил только по сухой дороге. Зимой и в ненастную погоду автомобиль стоял в небольшом гараже, сколоченным из березовых горбылей. Не ездил Конотоп на персональной машине и на различного рода общественные мероприятия.

Районные власти довольно часто приглашали его на юбилеи и торжества, связанные с победой советского народа в годы Великой Отечественной войны. За дедом, как правило, из Изумрудного присылали легковую машину. К ученикам местной школы ветерана привозил лично сам управляющий на служебном мотоцикле с коляской. На все мероприятия одинокий мужчина одевался, как на военный парад. Он всегда был в строгом черном костюме, которому уже было, наверное, лет за пятьдесят. Дедок до блеска натирал свои немногочисленные медали и единственный орден. Старик получил его в мирное время, как участник войны. Мужчина также надевал и хромовые офицерские сапоги, которыми очень гордился. Где гвардии рядовой в отставке взял эти сапоги, никому не было известно. Кое-кто из селян пускал слух о том, что дедок лет десять назад, а то и раньше, эти сапоги выменял на грибы в районном центре у офицера, который был на уборке урожая. Семен с этим иногда соглашался, иногда и нет...

«Старики», которых в первой роте было около десятка, во главе с Макуловым держали совет целый день. Наглое поведение салаги не покидало их голову и во время занятий. Скорее всего, после отбоя рядового Кузнецова вновь могла бы ожидать настоящая экзекуция, если бы не замполит и командир роты. Именно эти два офицера по-настоящему противостояли дедовщине. Макулов и его окружение очень обрадовалось тому, что замполит в очередной раз поехал в групповой госпиталь. Политработника мучил желудок.

Капитан Макаров очень тяжело переживал случившееся в своей роте. Любое нарушение дисциплины среди подчиненных, особенно издевательство над молодыми солдатами, прибавляло седины на его голове. На следующий день в роту он пришел к подъему личного состава и вызвал к себе в канцелярию ефрейтора Макулова. Старослужащий, узнав о том, что его вызывают к командиру, решил действовать по-лисьи. В двух метрах от «резиденции» ротного он перешел на строевой шаг и остановился, затем легонько стукнул кулаком в дверь. Потом ее очень осторожно открыл и с заискивающей улыбкой прогнусавил:

– Товарищ гвардии капитан, Вы меня вызывали?

Офицер с иронией посмотрел на солдата и также тихо, и несколько с недоумением проговорил:

– А Вы, рядовой Макулов, будто и не чувствуете то, что Вас сегодня обязательно вызовут...

Разговор командира и «старика» получился явно недружеский. Начальник и подчиненный это прекрасно понимали и сами. Становление рядового Макулова, как солдата, происходило на глазах офицера. Некоторые моменты его службы он помнил до мельчайших подробностей. Кое-что даже вызывало у Макарова улыбку, когда во время своей первой стрельбы из автомата боевыми патронами новобранец явно испортил воздух. Испортил так сильно, что руководителю участка пришлось не только сильнее сдавливать между своими ногами вздрагивающее тело солдата, но и еще зажимать руками свой нос. На этот раз собеседование длилось не очень долго. Подчиненный, скорее всего, понял свою очередную ошибку и принял позу убиенного. Макаров с некоторым недоверием смотрел на казаха, он не верил в искренность этого человека. В том, что Макулов неоднократно издевался над молодыми солдатами, офицер несколько не сомневался. Он также прекрасно знал и то, что и сам салага Макулов когда-то получал «свое» от тех стариков, которые совсем недавно уволились в запас. Может и поэтому старослужащий мстил тем, кто только что пришел в подразделение.

«Старик», преданно заглядывающий в рот офицера, откуда «исходила» очередная порция нравопочений, даже во время беседы допускал возможность возмездия над рослым сала-

гой. Макулов, своеобразный падишах над своими сверстниками по призыву, не хотел терять среди них свой авторитет. Этот авторитет солдат в прямом смысле заработал потом и кровью. Молодого паренька из далекого казахского аула в первый же день службы жестоко избивали. Около трех месяцев он усердно подшивал подворотнички к куртке старика-дембеля. На этом причуды для молодого не заканчивались. Каждый дембель выработывал свой порядок и регламент отхода ко сну. Кое-кто из молодых после ухода из подразделения старшины или офицеров роты падал на колени перед лежащим в постели дембелем и пел песни, или рассказывал сказки. Известив старослужащего о том, сколько ему осталось до дембеля, молодой воин начинал громко кукарекать. Затем салага очень старательно чесал спинку своему сослуживцу и лишь после того, как «дед» засыпал, осторожно по-кошачьи шел к себе в постель...

В эту ночь капитан Макаров пришел домой очень поздно, где-то в час ночи. Жена и дочка уже крепко спали. Выпив стакан крепкого чая, он быстро разделся и лег на диван. Диван ему «доставался» довольно часто. Жена и маленькая дочка обычно ложились спать около десяти вечера. Татьяна, так звали жену офицера, не дождавшись мужа к этому времени, положила ребенка к себе в постель. Женщина довольно частенько просыпалась рано утром и бросала взор на диван, он был пустым. Это означало, что ее Сашенька уже ушел на подъем личного состава своей отличной роты...

В эту ночь у Александра Макарова на душе было почему-то очень тревожно. Он все думал о содержании беседы с молодым солдатом и о тех, кто его так жестоко обидел. С «дедовщиной» в роте боролся не только он один. В его распоряжении и замполита были офицеры и сержанты, комсомольские активисты. К воспитанию подчиненных привлекались даже члены женского совета части, которые в праздники приносили солдатам торты и различные выпечки. Неоднократно все эти усилия сводились к нулю. В Макаровской отличной роте также не обходилось без чрезвычайных происшествий, не говоря уже о тех подразделениях части, которые «утопали» по самые уши в дедовщине или в других правонарушениях... Капитана в принципе сейчас даже радовало поведение молодого солдата Кузнецова. Очень рослый парень дал достойный отпор старикам, дал отпор, скорее всего, благодаря своему росту и силе. У новобранца появилась какая-то не то биологическая, не то человеческая реакция на защиту своего достоинства...

Капитан Макаров приехал в «китайский» полк из Забайкалья, из Даурии. Выпускник Омского высшего общевойскового командного училища через два года там получил роту, ею командовал три года. Потом Германия, небольшой немецкий городок Дахбау. И опять рота. Итого получалось восемь лет в непосредственной близости с родным личным составом. Для толкового и знающего военное дело офицера это было очень много. Александр только скрежетал зубами, когда узнавал, что его однокашники за это время получили батальоны, кое-кто уже учился в академии. Переживала и Татьяна, когда ее муж приходил домой расстроенный и рассказывал о кадровых перестановках в части или в своей роте. Макаров себя к кастовым офицерам не относил, однако все надеялся на справедливость и порядочность социалистического строя. Супруги в очередной раз питали надежду на лучшее будущее. Командир отличной роты все больше и больше пропадал в казарме, он лишь изредка видел свою семью. Татьяна все это понимала и стойко переносила одиночество.

Александр Макаров в принципе всегда находил общий язык со своими подчиненными и это радовало всех. Ведущую роль Макарова, как честного и справедливого человека, видели и чувствовали не только офицеры, но и солдаты его роты. Капитан был везде и всегда первым. Великан быстрее всех запрыгивал в боевую машину пехоты и на отлично выполнял любые стрельбы. Не было ему равных и в вождении боевой машины, не отставали от ротного и командира взводов. Старший по званию и по должности без остатка делился своим боевым мастерством и душой с каждым подчиненным...

Не было равных первой мотострелковой роте в части и в художественной самодеятельности. Сам ротный так пел, что кое у кого из офицеров и их жен появлялись слезы. Со слезами на глазах радовалась успехам своего мужа и его жена. Татьяна, достаточно вкусив прелестей забайкальской дыры, день и ночь проплакала, когда узнала о том, что ее возлюбленный направляется для службы в ГДР. Она, как и ее муж, в своей жизни, как говорят, звезд с неба не хватала. Своих родителей Татьяна никогда не видела, выросла в детском доме. У Макарова родители были. Мать и отец жили в деревне, там же на ферме работали.

Татьяна познакомилась с курсантом военного училища совершенно случайно в городском парке. Военный высокого роста ей сразу очень понравился. Буквально через месяц молодые люди начали строить очень большие планы на совместное будущее. Особенно в этих мечтах преуспевал молодой офицер, когда переступил порог Группы советских войск в Германии, знаменитой на весь мир. Макаров прибыл в полк осенью и буквально через день заявил о себе. Доселе «чепэшная» рота взяла обязательства стать отличной. Через год эти обязательства с честью были выполнены, в успехе была львиная доля бывшего забайкальца. Этого никто в части не отрицал, не отрицал этого и командир полка, который неоднократно ставил в пример только что прибывшего офицера. Очередное воинское звание «капитан» командир передового подразделения получил, правда, с опозданием на три месяца. В этот же год двое его взводных ушли в соседний полк на повышение. Прошел еще год, макаровцы звание отличной роты подтвердили в очередной раз. Об опытном командире и коммунисте Макарове довольно обширный очерк поместила дивизионная газета. Портрет седого офицера «красовался» на Доске Почета в полку и в дивизии. О чемпионе Западной группы войск по боксу написала газета «Красная звезда».

Все эти почести, однако, не давали полного удовлетворения молодому мужчине. Добросовестный служака четко понимал, что через день или через два он станет «задвинутым» в военной карьере, задвинут навсегда. Александру не хотелось прозябать где-то в штабе и ждать военной пенсии, уволившись капитаном или в лучшем случае майором. Душевное состояние мужа прекрасно понимала и жена, она даже больше переживала за своего умного Сашку, чем сам великан. Нервное напряжение родителей довольно часто отражалось на малышке, которую они любили больше своей жизни. Вика в последнее время по ночам не спала и все время капризничала. Военный врач полка был бессилен чем-либо помочь ребенку. Молодые супруги решили обратиться к немцам, профессор принял больную. Через день девочка почувствовала себя значительно лучше, поднялось настроение и у молодых родителей. Но увы, радость была с горьким привкусом. О посещении семьей Макаровых немецкой поликлиники узнал командир полка. Майор Слюньков сразу же после развода позвонил в роту и недовольным голосом пригласил капитана к себе в кабинет.

Некогда прилежный младший офицер в один миг для старшего офицера стал настоящим врагом. Это сразу почувствовал мужчина-исполин, как только постучал в дверь кабинета. Не успел еще вошедший доложить о своем прибытии, как начальник, словно его пчела укусила в одно место, сквозь зубы процедил:

– Товарищ капитан, кто Вам разрешил посещать немецкое учреждение? На каком основании это было сделано?... Или Вы испугались своей жены?

Подчиненный от поставленных вопросов полкового командира опешил и поэтому молчал, приняв при этом строевую стойку. Он был красный, как рак. Макаров на какой-то миг стал даже сожалеть, что послушал доводы своей жены. Татьяна рассказала, что в тот же день рано утром полковой музыкант прапорщик Овечкин возил свою жену в ту же поликлинику. Да и он сам знал около десятка случаев, когда немецкие врачи оказывали помощь в лечении членов семей старших офицеров. Сейчас же тому, кто стоял в центре ковра и внимательно слушал нравоучения и ценные указания командира полка, было не до оправданий. Макаров

только сейчас в этом кабинете однозначно и на все сто процентов понял и осознал, что при этом шефе, который был всего его на пять лет старше, ему будет не до карьеры.

Командир первой мотострелковой роты в подчинении майора был два года и успел изучить все его повадки. О честолюбии плешивого ходили целые легенды. Один из управленцев полка рассказывал, что Слюньков просил начальника одной из кафедр военной академии дать телеграмму в Сочи, если ему придет приказ о присвоении очередного звания «майор». Холеный молодой человек, но с большой плешинной, уже припас для этого погоны с большими звездами. Телеграмма пришла за день до отъезда, в тот день стояла сильная жара. Кое-кто из пляжников с недоумением смотрел на молодого мужчину в зеленой рубашке с погонами майора Советской Армии, на голове военного была соломенная шляпа... Немало было слухов и о том, что плешивый довольно часто таскался с женщинами... Да и о карьере полкового командира, о том, как тот зарабатывал свои звезды и ордена, в части по-разному судачили. Одни говорили, что плешивый начинал армию с какой-то партшколы, другие связывали карьерный рост с большими связями его супруги. Она имела не только туповатую физиономию, но и была довольно толстой женщиной. Макаров в принципе в содержание оных слухов и сплетен глубоко не вникал. Одно он знал точно, что Слюньков пришел в полк сразу же после окончания академии. У него же надежда на обучение в этом заведении улетучивалась с каждым днем...

Последнее указание командира у Макарова вызвало слезы, оно было для него унижительным и очень дерзким. Плешивый, словно перед ним стояло неземное существо, слегка прищурил глаза и с издевкой прошипел:

– Все то, что я тебе сказал раньше, капитан, ты должен к своему сведению принять... И еще запомни, это самое главное... Я, и только я, в этой части для всех начальник... Любое посещение немцев, в том числе и твоей женушки, должно происходить только с моего ведома...

Запас энергии и желание работать в подразделении после вынужденного визита к командиру части у некогда добросовестного офицера стал постепенно угасать. Это видела и Татьяна, от этого она довольно часто тайком от мужа плакала. В те короткие часы, когда молодые люди совместно проводили время, они раскладывали по «полочкам» заслуги и промахи Александра. К числу неудачников никто из них себя не относил. Супруги, исходя из увиденного и услышанного в этой части и в Забайкалье, все чаще и чаще приходили к далеко неутешительному выводу: выходцам из рабоче-крестьянских семей генералами не быть. К этому выводу они еще раз пришли после строевого смотра мотострелкового полка...

В этот день с самого утра зарядила жара. Слюньков вывел полк очень рано, дабы проверить готовность своих «китайцев». Затем ждали дивизионное начальство. Солнце стояло уже в зените, когда командир соединения со своей свитой приехал в военный городок. На этот раз капитан Макаров к строевому смотру готовил своих подчиненных особенно тщательно. Было все «намази» и у самого офицера: парадная форма и даже прическа. Он попросил ротного брадобрея сделать очень короткую прическу, дабы не попасть в немилость дивизионным начальникам. На семейном совете было решено, что Александру пришло время спросить у командира дивизии о своей военной перспективе. Оснований для этого предостаточно. Три года рота носит звание отличного подразделения, из нее за это время ушло на повышение пять взводных командиров. Да и сам капитан Макаров был еще в почете и наслуху... В расположении роты год назад были немецкие гости из самого Берлина. К офицеру мощного телосложения подошел один из немцев и на чистом русском языке сказал:

– Хорошо служите, товарищ советский офицер...

Эти слова вызвали улыбки у всех членов многочисленной свиты. Командир части пожал руку опытному офицеру и крепко обнял. После этого у Макарова и у его жены в очередной раз появилась очередная надежда на следующую ступень военной карьеры...

Командир дивизии в сопровождении командира части как-то незаметно подошел к Макарову, который стоял на плацу на «своей» линии. Яркое солнце, как казалось ротному, способ-

ствовало настроению обоим начальникам. Молодой генерал довольно низкого роста, увидев перед собою статного великана, весело произнес:

– Слюньков, гляди-ка, какие у нас орлы в пехоте служат... Даже и не думал о том, что такой офицер-красавец может быть в моем подчинении...

После этого он заразительно рассмеялся, расцвел в обворожительной улыбке и командир части. Он, словно лиса, пригнулся перед старшим командиром и вкрадчиво произнес:

– Гвардии капитан Макаров очень грамотный и толковый офицер. Его подразделение носит три года звание отличной роты...

Майор после этих слов опять широко улыбнулся, оскалив при этом два ряда кривых зубов. Капитан, чувствуя приподнятое настроение старших начальников, решил задать вопрос, над которым он вместе со своей боевой подругой думал чуть больше года:

– Товарищ гвардии генерал-майор, разрешите задать вопрос? – очень серьезно отчеканил офицер.

Услышав громовой голос капитана, генерал с удивлением посмотрел на статного мужчину и тихо произнес:

– Без проблем, капитан... Я слушаю...

Макаров после доклада командиров взводов о том, что оружие и личный состав в порядке, почти бегом рванулся домой. Он прекрасно знал, что его Татьяна с нетерпением ждет содержание ответа от командира дивизии, которому ее муж задал вопрос. У женщины сразу же стало беспокойно на душе, когда она увидела через окно кухни суровое и очень серьезное лицо своего любимого человека. В своих тревожных предчувствиях молодая женщина не ошиблась, как только ее муж открыл дверь. Александр, не снимая парадной формы, быстро прошел в комнату и сразу же опустился на диван. Он молчал и смотрел куда-то в потолок, вскоре на диван присела и хозяйка. Офицер и его боевая подруга сидели рядом друг с другом и молчали. Каждый думал в отдельности, но думал об общем, о том, что уже несколько лет не давало им спокойно жить. Это общее сейчас их очень страшило.

Бесперспективность в службе угнетала не только Макарова, она угнетала и его жену. Татьяна, уже достаточно вкусив с мужем прелестей армейской жизни, понимала то, что ее Санька вот-вот может надломиться и скатиться вниз. На практике для него это означало пьянство и невыход на службу. Такой своеобразный «протест» против армейских устоев она наблюдала со стороны некоторых молодых офицеров, которые буквально вчера были перспективными и командовали отличными подразделениями, а сегодня становились настоящими изгоями доблестных вооруженных сил. Многие «задвинутые» офицеры старшего возраста смирились со своей участью и ждали пенсии...

Макаров после обеда в роту не пошел, дома он не обедал и не ужинал. Он также не пришел в постель к любимой женщине, ни вечером и ни ночью. Татьяна изредка вздыхала, но не плакала. Женские слезы могли только усугубить психическое состояние мощного мужчины, который вкладывал в службу не только душу и сердце. На различные краски и латексы, да и не только на это, Макаров потратил ради отличной роты сотни немецких марок из своего собственного кармана.

Мужчина-великан в эту ночь лежал на диване и тихо плакал. Ему до боли в сердце было обидно за то, что всего несколько часов назад с ним произошло. Капитан пришел к однозначному выводу: генерал и майор были очень далеки от его проблем. Командир дивизии, выслушав вопрос младшего офицера, дальше не соизволил утруждать себя личными проблемами какого-то командира, какой-то отличной роты. Он просто-напросто позвал своего ординарца и приказал ему занести личный вопрос офицера в талмуд. Прапорщик услужливо вытащил из папки тетрадь и также услужливо переспросил у седого капитана его жалобу. Старшие начальники тем временем уже заканчивали опрос жалоб и заявлений от своих подчиненных...

В эту ночь у командира отличной роты капитана Макарова к службе в армии впервые в жизни появилось двойное отношение. Он уже нисколько не сомневался в том, что на верхушку армейского айсберга, который заполнен всевозможными чинушами с большими звездами, ему никогда не забраться. Для того, чтобы стать генералом, не обязательно быть командиром отличной роты или полка. Надо было иметь совсем другое, этого как раз и не было у сына колхозника...

Александр на какое-то время окунулся в свое недалекое прошлое, которое давало молодому юноше надежду на большое будущее. Санька Макаров еще в детстве был с определенными «завихрениями», что разительно отличало его от деревенских сверстников. Школьник не только добросовестно учился, но и вел очень скромный образ жизни. В отличие от своих ребят очень много читал, сельский клуб посещал очень редко. К девочкам также был равнодушен, стремился еще в молодые годы основательно подготовить себя к большой карьере. Мальчишка из маленькой сибирской деревни довольно часто мечтал побывать на самой главной площади великой страны. Красная площадь ассоциировалась у пионера с чем-то величественным, волнующим. Просыпаясь утром, он сразу же включал радио и слушал передачи. Особенно ему нравился бой кремлевских курантов. Школьник, как и подавляющее большинство селян, в Москве и на Красной площади не был. Причин для этого было множество. Самая главная из них – отсутствие денег и свободного времени. Кратковременный отпуск родителей, как правило, стремительно пролетал из-за постоянных забот, свойственных жителю советского села. Одиночки, которым все-таки выпало счастье побывать на Красной площади, восторженно рассказывали о ней.

Санька Макаров выполнил свою мечту только после окончания училища, сразу же после свадьбы. Молодожены «медовый месяц» в столице провели очень скромно. На поездку использовали деньги, которые им подарили на свадьбу, таковых было очень немного. Родители уговорили своего сына ехать в столицу в военной форме, не против этого была и молодая жена. С замиранием сердца будущий забайкалец вступал на величественную площадь рядом с Кремлем. Офицеру тогда казалось, что с этим величественным строением, с этой площадью связана история и жизнь не только советского народа, но и всего прогрессивного человечества.

Сибиряк внимательно смотрел на камни, которыми была выложена главная площадь страны и вдавался в историю. Перед ним невольно предстала целая эпоха борьбы за коммунизм – светлое будущее не только советских людей, но и других стран мира. Перед деревенским пареньком ожили образы большевиков, первых полков рабоче-крестьянской Красной Армии, вставших грудью на защиту интересов простого народа. Ему также казалось, что прошло всего только несколько секунд после звуков парадных маршей, известивших мир об исторической победе советского народа над фашизмом. Твердый, уверенный шаг парадных расчетов Победы подтверждал незыблемость Советской власти, власти справедливых и честных людей...

Без ума были молодожены также от красоты и четкости движений кремлевских курсантов, заступающих на пост № 1 – охраны Мавзолея В.И. Ленина. Этот главный пост великой страны для молодого выпускника командного училища по своему политическому содержанию и смыслу был глубоко интернационален. Он символизировал величие и незыблемость ленинских идеалов не только для народов одной шестой части суши, не только для всего прогрессивного человечества, но и для него, простого паренька из глухой сибирской деревни. Макаров до сих пор помнил тот момент, как он, крепко взяв за руку свою любимую девушку, в приподнятом настроении подходил к усыпальнице Ленина. Тогда он нисколько не сомневался, что в этой колонне к самому человечному человеку рядом с ним идут русские и немцы, поляки и американцы, белые и черные, богатые и бедные, молодые и старые. И каждый из них, идя в гости к Ильичу, по-своему соперничал. Подавляющее большинство из них благодарило этого человека за все, что он создал и сотворил...

Молодой офицер впервые в своей жизни так близко увидел забальзамированное тело небольшого, лысого человека, со сложенными на груди руками. Макарову даже здесь не верилось, что только этому человеку и никому другому удалось повернуть колесо всемирной истории вспять. И начал он это делать в России, в стране жандармов, бедных и богатых, полуграмотных и забитых людей. Сын простого крестьянина, одетый в форму советского офицера, завидовал воле и неиссякаемой энергии умершего, который, невзирая на все трудности, пошел навстречу историческому ветру перемен, чтобы дать счастье простым людям.

По-доброму завидовал лейтенант Макаров и творческому мышлению этого человека. Он на какое-то время вспомнил семинарские занятия по истории КПСС в военном училище, которые вел полковник Пастухов. Старший офицер был настоящим проводником идей великого Ленина. Курсантам иногда даже казалось, что их преподаватель знает наизусть все работы вождя. Курсант Макаров также с особым вниманием изучал и конспектировал ленинские труды, довольно часто выступал с рефератами. Именно в Мавзолее офицер дал себе слово работать также титанически, как работал создатель Коммунистической партии. Он также нисколько не сомневался в порядочности и честности продолжателей дела Ленина...

Молодая жена взводного командира искоса наблюдала за своим мужем, ее душа и сердце ликовали. У нее также было очень приподнятое настроение и возвышенные мысли, не говоря уже о Саньке. Она в какие-то мгновения даже не верила, что этот молодой и красивый военный в парадном мундире цвета морской волны ее муж. Лицо офицера было божественным, даже очень...

После посещения Мавзолея В.И. Ленина Александр и Татьяна подошли к Кремлевской стене, своего рода пантеону героев, отдавших свои жизни за правое дело. Все люди, лежащие в стене, для молодого офицера были своего рода символом. Макаров в душе благодарил погибших за свое светлое настоящее и даже сожалел о том, что они, став героями навеки, не имеют возможность жить сегодня. Молодой человек, медленно переходя от одной ниши к другой, также благодарил свою судьбу, что он живет в стране, где нет бизнесменов и господства толстого кошелька...

Сибиряки были не против еще поглядеть на тех, имена которых были высечены на граните. Однако серьезная физиономия прапорщика, внимательно наблюдающего за перемещением посетителей, вынудила их покинуть революционный некрополь. Молодая парочка с большим сожалением покидала священное место великой страны...

От Кремлевской стены офицер с женой вышел на улицу, по которой стремительно мчались «Чайки» из Кремля и обратно. Лейтенант Александр Макаров опять ударился в размышления. Он нисколько не сомневался, что люди, сидящие в машинах, очень заняты и очень напряженно работают. Он, как простой советский человек, как офицер доблестной Советской Армии, только на этой площади начал по-настоящему осознавать всю ответственность руководства партии и государства за судьбы простых людей, людей труда. Молодой коммунист на какой-то миг представил себе напряженный день работы членов Политического бюро ЦК КПСС. От их ума и способностей реализовать идеи Ленина зависело его будущее, будущее его любимой Татьяны, их детей и внуков. От этих мыслей, которые все еще не покидали голову великана, выходцу из простой крестьянской семьи, идущему по улицам Москвы, хотелось еще тверже ступать и даже «печатать» шаг своими новыми черными туфлями армейского образца.

В столице великой страны выпускник высшего командного училища нисколько не сомневался, что он быстро станет генералом. И не без оснований. Деревенский паренек с отличием закончил учебное заведение, сам выбрал себе военный округ. Офицера, да и его молодую супругу, не пугали забайкальские степи. Они вместе и каждый в отдельности верили в свои силы. Верили в то, что в армии страны развитого социализма каждый человек имеет равные возможности стать большим начальником. Нужно только честно работать, служить и все... Макаровы из Москвы уехали домой поздно вечером, весь день бродили по огромному городу. В

поезде еще долго не спали, обсуждали увиденное. Молодожены, побывав на Красной площади и «подышав» историей великой страны, рвались на восток. В этом же поезде супруги решили пока не обзаводиться детьми, инициатива исходила от молодого мужа. В Забайкалье он намеревался, как можно быстрее, получить батальон и поступить в Военную академию. Татьяна с мечтами любимого охотно согласилась...

По прибытию в родную деревню офицер с женой пошли на кладбище и возложили венок к могиле деда Михаила, участника Великой Отечественной войны. Для внука тот являлся своеобразным эталоном жизни. В том, что Александр решил стать офицером, была заслуга и капитана запаса Михаила Макарова. Предок Александра военных училищ не заканчивал, из деревни на войну ушел трактористом. Боевое крещение получил под Москвой, из роты в живых осталось только пятеро. Затем его направили на курсы, офицеров страшно не хватало. Внук очень гордился своим дедом, который был известен не только в деревне, но и далеко за ее пределами. В последние годы своей жизни Михаил подрабатывал, сторожил магазин. Сторожил исправно, не обходилось на этом поприще и без приключений. Александр одно из них вспомнил и улыбнулся.

Дело было зимой, поздно вечером в магазин завезли водку, привезли на тракторе с прицепом. В те времена ее завозили в любом количестве и в любое время. Тракторист со сторожем быстро перекидали ящики в подсобное помещение, каждый за работу получил по бутылке. Михаил во время работы никогда не пил, держал марку порядочного человека. Раечка, так звали молодую продавщицу, быстро закрыла магазин и побежала к избушке бабушки Нюры, у той она снимала угол для жилья. Мороз на улице крепчал с каждой минутой. Сторож направился в небольшую деревянную будку, затем подложил дров в железную печку, натянул на себя тулуп и прилег на топчан. Рядом с собою положил одностволку, в ней был единственный патрон. Александра, так звали жену деда, боялась давать ему больше военного провианта. Она знала, что кое-кто из деревенских пацанов без ведома сторожа, довольно часто проникал в его каморку. Тот свое пристанище на замок никогда не закрывал.

Сторож проснулся в двенадцать ночи, проснуться заставила естественная нужда. Михаил, оправившись по-маленькому, решил сделать большой обход, включавший в себя контору. Большой крюк совершался для большей бодрости и пушей важности. К крыльцу учреждения местной власти мужчина подходил почти всегда, иногда заходил и вовнутрь, старался показать управляющему свою работу налицо. Дед, несмотря на очень юный возраст начальника, всегда называл его по имени и отчеству. На этот раз старику повезло. Виктор Яковлевич еще был у себя в кабинете. Односельчане немного поболтали, выкурили по закрутке самосада и вновь принялись за свое дело. Сорокоумов начал что-то чертить на большом листе ватмана, Макаров направился к себе. Не успел он еще перейти шоссе и приблизиться к магазину, как началась сильная пурга. Единственный керосиновый фонарь, висящий на столбе возле сторожевой будки, не был виден. Для страховки пожилой мужчина взял свое ружье наизготовку. Ему казалось, что в день водочного привоза кое-кто из деревенских жителей в такую непогоду может позариться на народное достояние.

От поистине коммунистических мыслей старик еще сильнее сжимал в своих руках берданку. Для верности решил усилить бдительность, пошел на очередной круг обхода. Неожиданно возле складского помещения раздался не то скрип, не то шорох. Охранник остановился, прислушался и крадучись направился к двери. К его удивлению, та была полуоткрыта. От страха перед возможным взломщиком дед сначала трухнул, за прошедшие пять лет службы на ответственном посту такой наглости он никогда не видел. Никто из местных магазинов не пытался грабить. Бывало, совсем другое, притом очень часто. Кое-кто из пьяных приходил в гости к сторожу, тот уступал ему свой топчан для сна. Трезвенник рано утром уходил к себе домой и благодарил деда за бесплатный гостиничный сервис.

На этот раз история была совсем другая, без пальбы, как сейчас представлялось Макарову, не обойтись. Сторож подошел к двери, затаил дыхание и прислушался. Внутри кто-то ходил и почему-то тяжело дышал. Дедок сильно натужился и крикнул. Крика, как такового, у него не получилось, страх дал о себе знать. Этот же страх вынудил его быстро ретироваться от двери прочь. Сомнений не было, на складе находилось несколько грабителей, их численное преимущество было явным. От этого умозаключения у сторожа непонятно почему на некоторое время прибавилось смелости и оптимизма. Он невольно представил себя в образе настоящего героя, о котором завтра напечатают все газеты области, даже коммунистическая «Правда». В партию лейтенанта Макарова принимали на передовой, через час его рота подбила два немецких танка и уничтожила около двух десятков фрицев.

Старик, погруженный в сладостные мысли о своем предстоящем героизме в мирное время, опять что-то прокричал, затем вновь, уже очень близко подошел к двери склада. Внимательно прислушался, затем поднял ружье вверх, взвел курок и с силой нажал на спусковой крючок... Выстрела не получилось, причиной этому явился не то старый пыж, не то сырой порох. Александра хранила банку с патронами на кухне под столом. Безоружный защитник социалистической собственности решил больше не рисковать собственной жизнью, сразу рванулся в контору. Развязка наступила быстро и неожиданно. Двое мужчин некоторое время действовали так, словно им противостояла целая группа бандитов. Дедок имел опыт боевых действий на фронтах, управляющий пять лет назад уволился из рядов Советской Армии, три года был поваром в солдатской столовой.

Завершающий этап поимки преступников чем-то напоминал американский боевик прошлого столетия. Управ, держа в руках одностволку деда, с силой ударил ногой дверь подсобки и стремительно рванулся во внутрь помещения. Сторож последовал за ним, в руках у него была деревянная лопата. Ей мужчина убирал снег возле магазина. Буквально через пару минут из помещения раздался громкий смех. Смеялись трое, двое мужчин и молодая девушка. Продавец Рая, приехав из солнечного Узбекистана в Сибирь на практику, не ожидала таких сильных морозов. Из-за того, что бутылки с водкой могли замерзнуть, она сильно переживала. Ночью ее терпение лопнуло, она с целой охапкой одеял и фуфаяк направилась к торговой точке... Бдительность сторожа была поощрена управляющим осенью, от совхоза он бесплатно получил два мешка пшеницы и десять рублей премии. Деньги Михаил отдал своему любимому внуку Александру. Мальчишка учился очень хорошо и довольно часто помогал бабушке и бабушке по хозяйству...

Капитан Макаров, погруженный в воспоминания о недалеком прошлом из своей жизни, неожиданно для себя заснул. Проснулся рано утром, светящийся циферблат будильника показывал ровно пять часов. Командир отличной роты решил не идти на подъем личного состава, такое решение в своей жизни он принял впервые. Мужчина повернулся на бок, натянул на голову одеяло, в его глазах были слезы. На душе было очень скверно, сейчас ему даже не хотелось жить. Стремясь хоть как-то погасить внезапно возникшую апатию, Александр быстро встал с дивана и пошел на кухню. Открыл холодильник и с жадностью осушил бутылку холодного пива. Пить русскую водку, которую он когда-то привез во время отпуска из России, офицер не стал. Он несколько не сомневался, что его сегодня обязательно вызовут на ковер к командиру части. Макаров прекрасно знал манеры плешивого. Майор не любил подчиненных, которые жалобились вышестоящему начальству.

Командир отличной роты не пришел в этот день и на развод. Он все утро, как и ночь, был погружен в раздумья. Чем больше офицер размышлял, тем сильнее кошки скребли в его душе. Иногда своих мыслей он даже боялся. Горький и страшный вывод был однозначен, он напрашивался сам. Годы офицерской жизни, наполненные всевозможными учениями, нарядами, смотрами и занятиями, у мыслителя пролетели прахом. Он был и, к сожалению, остался простым винтиком в этой общественно-политической машине громадной страны. Аналогичные

мысли к нему пришли еще в прошлом году, когда он с женой и дочкой во время отпуска вновь побывал на Красной площади. Мысли седовласого мужчины в гражданской одежде, стоявшего возле Кремлевской стены, разительно отличались от наивных мыслей выпускника военного училища. Отрезок времени от молодого лейтенанта до опытного капитана составлял почти десять лет, прожито немало. Плачущему великану, только что разменявшему «тридцатник», казалось, что в его голове никогда не было образа того молодого человека, который когда-то был полон надеж и оптимизма.

Макаров вновь и вновь анализировал, почему вся его офицерская жизнь прокатилась мимо, кто и что помешало осуществить ему благородные замыслы, они ведь были не очень плохими. Офицер служил очень усердно, не щадил живота своего. Имел много почетных грамот, даже ценный подарок, будильник. Он все и вся делал по уставу, также ни на грамм не сомневался в правоте идей Коммунистической партии. Ее членом был уже десять лет. Член партийного бюро батальона без всякого сомнения «рубил» правду, если кто-то пытался оспаривать руководящую роль великой, народной партии. Во время последнего отпуска сибиряк скупал почти все журналы и газеты, напролет все читал. Он не узнавал свою родную страну, в которой во всех уголках то и дело говорили о перестройке, переписывали историю. Отпускник, он же офицер, он же коммунист, преданный делу советского народа и партии, еще долго не мог заснуть. Александр все продолжал размышлять, есть ли правда в том, о чем так с рвением пишут перестройщики и демократы, которые занимали и продолжают занимать важные посты во всевозможных нишах государственной и партийной власти. Не из Кремлевских ли палат давались и даются указания, которые привели к тому, что общество осталось без истории прошлого и без истории будущего?

Макаров был предельно честным человеком, во многом с писателями и соглашался. Особенно из равновесия его выводил «скромный» образ жизни партийных и советских вождей, которые по сути дела от жира лопались. В то же время в стране простые смертные во всем и везде испытывали острый дефицит. Прилавки магазинов были пустыми. Терпение по беспределу у простого гражданина великой страны лопнуло, он решил что-то делать. Вновь и вновь перечитывал газеты, смотрел телевизор, обошел односельчан, расспросил их о своем житье-бытье. Те в один голос жаловались на местные власти. Отпускник просидел две ночи напролет в родительском доме, набрасывал заметки письма в Центральный Комитет партии. Честному человеку казалось, что верхи не знают всего того, что творится на местах, в многочисленных глубинках. Ему очень хотелось наказать чиновников, которые довели людей до нищеты, до настоящего разбоя на улицах. Армейский коммунист переписывал послание три раза, потом запечатал его в конверт. Отправить письмо в Москву помешала Татьяна. Она со слезами на глазах отговаривала мужа отказаться от осуществления этой никому ненужной затеи. В конце концов Макаров сдался, позже об этом несколько не сожалел. И сейчас, погруженный в грустные размышления, он благодарил Бога за то, что у него есть такая жена и такая дочь. Без них он не мог бы прожить и часа на этой земле. При этом Александр почему-то горько улыбался...

Плешивый вызвал командира отличной роты к себе на ковер только к вечеру. Вместо посыльного на квартиру к Макарову пришел командир взвода лейтенант Бабанин. Молодой офицер осторожно постучал в дверь, дверь никто не открывал. Татьяны в это время дома не было. Она, видя то, что ее Александр спит, решила с дочкой прогуляться по военному городку. Какие-либо парки или зеленые газоны на территории части отсутствовали. Многие жены в ожидании мужей со службы «кучковались» на детской площадке, та была для них и детей своеобразным парком культуры и отдыха. И не только. На небольшом «пяточке» происходило обсуждение всевозможных новостей и сплетен. Только после неоднократных стуков хозяин квартиры проснулся. Бабанин сегодня не узнавал своего командира, он был небритый, осунувшийся, под глазами темные мешки. Лейтенант впервые за время своей службы был в квартире своего командира, хотя вместе они уже «тянули» лямку в одной роте два года. Взводный себе эту

субординацию на расстоянии в вину не ставил. Он сразу заприметил, что капитан Макаров со своими подчиненными был предельно строгий и не допускал какого-либо панибратства. Не исключением в этом плане были и другие офицеры роты.

Настойчивый стук в дверь разбудил Макарова, который раньше никогда не спал в дневное время, не спал даже и во время часового обеденного перерыва. Каждую лишнюю минуту офицер отдавал своей роте, та была для него всем и вся. Кивком головы хозяин пригласил незваного гостя войти в коридор и протянул руку для приветствия. Затем сухо спросил своего подчиненного:

– Тебя, наверное, командир части за мною послал? Правильно я говорю?

Молодой офицер в ответ ничего не сказал, он только весело улыбнулся и кивнул головой. К плешивому капитану Макарову постучался в кабинет ровно в шесть вечера, как раз в это время начался развод караулов. Ротный командир за время службы по «инициативе» майора Слюнькова приглашался на ковер во второй раз, приглашался не для получения наград, приглашался для промывки «мозгов». В памяти офицера еще был довольно свежим визит к полковому отцу, связанный с посещением немецкой поликлиники. Этим же вечером седовласому капитану предстояло опять стоять навытяжку перед плешивым человеком только за то, что он по уставу задал вопрос командиру дивизии.

Майор и на этот раз вел себя очень нагло. Он никак не прореагировал на приветствие младшего офицера и сразу же начал издевательски грубить:

– Макаров, ты что себе позволяешь?.. Как ты смел задать такой глупый вопрос генералу, командиру дивизии? Неужели ты не знаешь о том, что все кадровые вопросы решаю только я и никто другой.

Подчиненный не мешал высказываться своему командиру, он только стиснул зубы и еще «преданнее» смотрел в глаза представителю Советской власти в армии. О том, что сейчас говорил взбесившийся начальник, Александр Макаров прекрасно знал. Он знал, что при командире части существует даже специальная комиссия, которая призвана более объективно рассматривать все вопросы, связанные с кадровым передвижением офицеров. Командир отличной роты также прекрасно знал, что после чрезвычайных происшествий в вооруженных силах или после совещаний в верхах, мгновенно создавались и создаются всевозможные комиссии. В их состав, как правило, входили и входят заместители командира полка и преданные плешивому подчиненные. Никто из этих людей особой принципиальностью не отличался. В Забайкалье и здесь капитан неоднократно убеждался, что судьбу простых смертных определяет только командир части и никто иной. Исключением для военного царька были только те офицеры, кто имел большие связи. Против кастовых офицеров «каратель» был бессилен. Получив звонок из дивизии, а то и выше, командир сразу же принимался в быстром темпе оформлять документы на очередного своего воспитанника, который еще до официального приказа, начинал паковать чемоданы. Члены комиссии безмолвствовали. Макаров к числу избранных и преданных плешивому себя не относил и поэтому продолжал усердно сейчас «глотать» все, что тот говорил.

Молчание высокого и статного капитана в какой-то мере радовало плешивого. Он даже сам удивлялся послушанию седого и к тому же, уже давно «задвинутого» ротного. Майор несколько не сомневался, что этот великан и тысячи ему подобных, умрут простыми клерками, так и не вкусив настоящей власти. Он также не сомневался, что в каком-то «темном» углу этот молчащий великан его просто-напросто придушит или набьет морду. Поучительный монолог командира полка продолжался недолго, не по причине отсутствия новых поучительных или матерных слов.

Буквально за десять минут до прибытия капитана Макарова Слюнькову позвонила жена. Она с радостью проворковала мужу, что его ждут русские пельмени. «Пельмешки», так любовно называл их плешивый, ему очень нравились. Вечером во время плотного ужина грозный майор, как правило, пропускал пару рюмочек русской водочки для сугрева и для постели с

женой. Предстоящая пельменная трапеза в какой-то мере смягчила итог командирской «промывки». Плешивый встал из-за стола и несколько по-философски подытожил:

– Знаешь, капитан, это я тебе повторяю снова и снова... Тебе уже пора понять, что ты не рожден летать, а только ползать... И ползать ты должен очень прилежно...

После этих слов Слюньков на какой-то миг замолчал. Наверное, что-то еще мудрее хотел сказать, но не сказал. Он только почему-то громко крикнул и достал из кармана носовой платок, затем с наслаждением вытер свою лысину. Капитан, наблюдая за усердием своего начальника на поприще лысины, злорадно про себя подумал: «Слава Богу, что это ничтожество хоть как-то Бог наказал». Командир полка осторожно надел на голову фуражку и стремительно вышел из кабинета. Макаров стоял еще несколько минут напротив стола командира части в самом центре темно-красного ковра и молчал. На душе было очень тревожно. Монолог плешивого наповал убил офицера, который всю жизнь верил в идеалы социализма и своей родной партии.

С партией он многое связывал не только из жизни советского общества, но и очень многое из своей личной жизни. Курсант Макаров очень сильно переживал во время торжественного вручения ему красной книжечки члена Коммунистической партии Советского Союза. Молодой коммунист от волнения даже расплакался, расплакался под оглушительные аплодисменты членов партийной комиссии. Армейский офицер всегда был активным коммунистом, за привилегиями или подачками не гнался, партийные взносы платил исправно. Очередная «промывка» в кабинете командира части только еще раз подтвердила правильность его вывода, этот вывод был обусловлен самой жизнью и самой системой...

Размышления офицера прервал стук в дверь, из-за двери показалась голова дежурного по штабу. Сержант, приложив руку к козырьку фуражки, громко протараторил:

– Товарищ капитан, я должен закрыть кабинет командира части...

Офицер в ответ ничего не сказал. Тяжело вздохнув, он быстро повернулся на сто восемьдесят градусов и также быстро вышел вон. На следующее утро капитан Макаров на подъем личного состава роты не пришел, пришел только на развод. Рота уже была на плацу.

У рядового Александра Кузнецова после нравоучительной беседы с командиром роты дела пошли значительно лучше. Через пару недель у стрелка-зенитчика исчезли все синяки на теле. Очень спокойной стала и служба у молодого солдата. Старики его не «кантовали», ни днем, ни ночью, даже никто не пытался. Сержант Дубровин был с ним также наравных, хотя тому до дембеля оставалось меньше полгода. С легкой подачи отделенного командира новичку дали гражданское имя «Силач». Эта кличка вскоре прочно закрепилась за рядовым Кузнецовым. Самого сильного в роте, а может, и во всем полку, поневоле признали и старики во главе с Макуловым. Они даже помогли ему в оборудовании боксерского «зала» на чердаке. Зал представлял собой небольшую каморку, отгороженную фанерой от довольно приличного по размерам помещения, в котором складировались всевозможные дефициты, необходимые для ведения ротного хозяйства. Ротный «плотник» рядовой Арутюнян в этом помещении также изготавливал ящики из пресс-картона для офицеров, которые уже имели право на ношение знака «З», что означало заменщик. Какого-либо специфического знака отличия для этой категории офицеров и прапорщиков, конечно, не было. Просто эти военнослужащие ждали своей замены из внутренних округов. Заменщик позволял себе в определенной мере «забить» на службу, да и со стороны командования им в какой-то мере была поблажка. Однако, если кто-то из этой категории «преуспевал», то сразу же попадал в немилость командиру части или его заместителям.

Подавляющее большинство заменщиков после промывки «мозгов» кардинально не изменяли свое поведение. Из-за лишней пропущенной рюмки водки или бутылки пива никто из начальников не собирался перекраивать досье на подчиненного. Воспитатель и трудновоспи-

туемый прекрасно знали, что личное дело заменщика уже «крутится» где-то в Забайкалье или на Урале.

Первое письмо на родину Кузнецов написал только через полгода, хотя обещал матери написать сразу же после прибытия в часть. Салагу заедала текучка, дни армейской службы пролетали, словно один час. Он не замечал времени, не замечал и усталости. Усталость давала о себе знать лишь после отбоя, солдат засыпал мгновенно. Ночью ему иногда снились учения, наряды и никому не нужные построения. После громовой команды дежурного по роте: «Рота! Подъем!» Кузнецов съеживался от страха и мгновенно сжимался в комок. Ему, как и его многим сослуживцам, не хотелось идти на физическую зарядку и по-лошадиному топтать по плацу, будя местных немцев, которые проживали буквально в трех десятках метров от военного городка...

Антонида Кузнецова первой весточке сына из армии очень обрадовалась, письмо своего непутевого Сашки перечитывала несколько раз. Она также десятки раз целовала и фотографию. Мать с улыбкой и со слезами на глазах смотрела на фото, где был изображен ее любимый «балбес» в военной форме. На груди у него уже были не то два ордена, не то две медали. Скотник Иван Заволокин, который также не без интереса посмотрел на фотографию своего земляка, сразу же определил «награды» воина. Узнав о том, что сын служит в гвардейской части и имеет спортивные знаки отличия, Антонида в очередной раз прослезилась. На радостях мать солдата пригласила мужчину к себе в гости, который после стакана самогонки с большой охотой «посвятил» односельчанку во все прелести армейской службы. Иван был одноклассник женщины и поэтому без всякого стеснения «рубил» правду:

– Тоня, это очень хорошо, что твой сын в Германию попал. Я ведь там тоже служил... ГСВГ очень хорошая школа для разгильдяев, каким был твой Сашка...

Увидев внезапно появившиеся слезы на глазах хозяйки, гость мгновенно внес коррективы:

– Антонида, ты уже на меня шибко не лютый, я ведь сам такой был... Разве тебе твой Коляшка не рассказывал о том, как мы вместе с ним чистили огороды и сусеки у наших односельчан? Мы чистили очень правильно, я ведь в разведке служил, не в какой-то пехоте...

Мать солдата в эту ночь еще долго не спала, все думала о сыне и переживала о нем. Она несколько не сожалела, что на вечеринку пригласила Ивана Заволокина. Воспоминания мужчины о своей военной службе в некоторой степени сгладили переживания одинокой женщины. Односельчанин просил Антониду не горевать уж слишком сильно. Главное то, что ее Александр неминуемо пройдет школу «дедов» и вернется домой, возвратится настоящим солдатом и настоящим мужиком. При последней мысли мать солдата улыбнулась, вспомнила завершающий этап визита Ивана. Слишком упитанный мужчина, под самую завязку врезавший самогонки, медленно встал из-за стола и осторожно обнял хлебосольную хозяйку. Затем полупрошепотом произнес:

– Красавица, не бери в голову все плохое... Твой сын приедет домой, приедет целый и невредимый. В этом ты несколько не сумлевайся... Приедет только один, без невесты, в этом я уверен на все сто процентов. В Германии наших солдат в увольнение не пускают, боятся того, что всех немцев перетрахают...

Заметив удивленный взгляд женщины, пьяный мужчина мигом же добавил:

– Я вижу то, что ты ничего так и не смыслишь в армейской службе. Я тебе сущую правду говорю... Нам, чтобы мы не были жеребцами, каждое утро в пищу подсыпали специальный порошок. Я после дембеля свою Верку целую неделю обхаживал, все не получалось... Все это было так давно и так недавно... Я не сумлеваюсь, что мой землячок эту медицину сейчас проходит...

На письмо сына Антонида Кузнецова весточку дала не сразу, хотя содержание ответа начала обдумывать после его прочтения. Разные мысли были в голове матери солдата, еще

относительно молодой женщины. Крестьянку очень радовало то, что ее верзила попал в социалистическую Германию. Из Найденовки там в разное время служили около десятка мужиков, все они были очень довольные своей службой. Никто из бывших солдат ни одним плохим словом не обмолвился об этой стране, о ее жителях. Да и сама Антонида читала книги и видела передачи о ГДР, ей все там нравилось. Во время раздумий о службе сына и о далекой стране, она брала в свои мозолистые руки армейский конверт и маленький листок бумаги. Затем все это нюхала. В этот момент ей казалось, что этот конверт и эта бумага, произведенные там, пахнут по-особому, пахнут не так, как здесь, в деревне. Мать советского солдата гордилась, что ее сын по воле Божьей оказался в самом центре Европы в нескольких тысячах километров от родной Найденовки. По ночам она довольно часто видела сны, во время которых сидела вместе с сыном в танке и стреляла по ненавистным капиталистам. Антонида решила написать письмо сыну в день своего рождения. Ей казалось, что в день ее ангела в голову придет больше мыслей и ласковых слов.

Кузнецова встала этим утром очень рано, немного раньше обычного. Быстренько покушала и пошла на ферму, настроение было приподнятое. На улице стояла холодная погода, был конец апреля. В самом конце дойки к Антониде подъехал управляющий, тот был уже на «взводе». О том, что местный начальник успел «пропустить», она определяла по его физиономии. И на этот раз лицо у Ивана Лопушкина было розовое, будто после жаркой бани. Управ неспеша слез с ходка и также неспеша подошел к доярке.

Женщина первой поздоровалась с начальником, тот на приветствие не ответил. Он почему-то продолжал молчать и вертеть головой то налево, то направо. Затем громко крикнул и весело спросил:

– Антонида, Антонида Петровна, как ты собираешься сегодня праздновать свой день рождения? Или ты забыла обо всем этом?

После этих слов Лопушкин слегка покачал головой и потер руки. Затем весело улыбнулся и опять продолжил:

– Я, честно говоря, и не знал о твоём юбилее... Мне об этом сказала Мария Ильинична Федюнина, наша библиотечкаша. Ты ведь ее прекрасно знаешь, она у нас счетовод по новорожденным и по покойникам. Я вчера от нее узнал о том, что в нашей Найденовке за последние пять лет умерло двенадцать человек, а народилось всего три...

На какое-то время начальник замолк, молчала и доярка. Антониде, откровенно говоря, управляющий нисколько не нравился, никак мужчина, никак управ. Во время некоторых встреч она украдкой зажимала нос, дабы не вдыхать в себя те запахи, какие испускал этот еще молодой человек. Специфические запахи, как казалось женщине, иногда пересиливали запах навоза животных. Доярка считала, что причиной этому были неурядицы в семье начальника. Прорехи там были довольно большие. Иван страшно переживал, когда узнавал о том, как вольно «гуляет» его жена с заведующим складом районного элеватора. Сам муж любовника своей Натальи в глаза не видел, его попытки застукать их вместе были безуспешными. Управ черпал информацию о любовных похождениях законной супруги из уст крестьян, своих подчиненных.

Люди по этому поводу разное глаголили. Те, кому начальник в какой-то мере делал поблажку, старались как можно меньше его ужалить. Другие делали наоборот. Всем этим сплетням рогатый не хотел верить, однако верил. Верил тогда, когда Натка, так он любовно называл свою жену, находила уважительные причины для временного отсутствия. Затем садилась на попутку или в автобус и катила в Изумрудное. Руководитель умирающей деревни на почве семейных неурядиц спился, притом спился основательно. Последствием семейной тяжбы стало не только его пьянство, но и совсем новое, доселе незамеченное у мужчины. Он принялся ухлестывать за местными женщинами. В деревне не проходило и дня без пересудов

о том, с кем и где занимался сексом управ. Пару лет назад мужики и бабы понятия не имели об этом слове, сейчас же оно почти каждому приятно щекотало ухо, и не только ухо...

Найденовские школьники куда быстрее и чаще, чем старшие, стали использовать в повседневном общении чужеродное слово. Для некоторых жителей самое употребительное слово из русского лексикона быстро кануло в лета. Управ преуспевал не только среди одиноких женщин своей деревни, прихватывал и из соседних. Число безмужных женщин в период так называемой демократизации страны в глухих деревнях сильно возросло. Многие мужчины от всевозможной сивухи спивались или травились, кое-кто накладывал на себя руки. Очень редко кому из вдовушек молодого и пожилого возраста удавалась вновь оказаться в мужских объятиях. Для многих это становилось несбыточной мечтой.

Антониде совсем недавно бахвалилась соседка Настя Абакумова, вдова. У той две недели назад по пьянке повесился муж, а может, и от безысходности. Петр в коммунистические времена слыл активным коммунистом. За большой урожай комбайнера вызывали в столицу и наградили орденом. Настя раскрыла душу соседке поздно вечером, когда у нее за огородом появился целый десяток спиленных берез. Привез их единственный тракторист на селе Витька Прудников. До этого молодая вдова, у которой было четверо детей, успела прокатиться с управляющим на его тарантасе. Лопушкин привез женщину домой поздно вечером, ее голодная «свора» уже крепко спала...

Молчание управляющего и доярки длилось недолго, его первым нарушил Лопушкин. Он с ухмылкой посмотрел на симпатичную женщину и с ехидцей произнес:

– Тоня, почему ты меня не угощаешь?.. Я ведь и обидеться могу... Да и как-то не очень хорошо, если не тяпнуть за твой сорокалетний юбилей...

Юбилярша больше не заставила себя упрашивать и мучить мужчину, жаждущего выпить. Она весело улыбнулась и уверенно пошла в сторону небольшой каморки, пристроенной к развалившемуся деревянному строению. По мере приближения людей к ветхой постройке, оттуда стало раздаваться оглушительно громкое мычание голодных коров. Управ, да и начальники повыше, прекрасно знали о том, что через месяц, а может и через два, в Найденовке будет порезана оставшаяся живность. Некогда важный объект аграрно-промышленного комплекса доживал последние дни...

В небольшой каморке, сделанной Александром Кузнецовым для больной матери, было очень тепло. Маленькая железная печка, на которой стоял черный от копоти чайник, слегка гудела. После первого стакана самогонки управ снял свои грязные сапоги, через миг до Антониды донесся противный запах. На какое-то время ей даже казалось, что ее вот-вот вырвет. Дабы этого и вправду не случилось, она быстро выбежала вон и стала учащенно дышать. Разговора у доярки, как такового, с управом не получилось. Да и говорить было не о чем и уже не с кем. Мужчина очень быстро опьянел, спился по причине обилия самогонки и плохой закуски. У именинницы самогонка не выводилась, а вот с продуктами питания была напряженка. Во дворе мычала полуголодная корова, так как сено было на исходе. Последний десяток кур кто-то из местных или проезжающих украл. Сторожить же хозяйство одинокой женщины денно и ночью было некому. Сын ушел в армию, муж лежал на кладбище.

На прощание пьяный управ дожевал кусок хлеба с тонким пластиком сала и пробормотал:

– Знаешь, Тоня, я решил тебе сегодня праздник сделать... Одним словом, выходи на работу только завтра утром. Вместо тебя сегодня я кого-нибудь найду, в крайнем случае, и сам подою твоих худобушек...

Увидев на лице женщины улыбку, мужчина весело подмигнул и по-озорному прошептал:

– И еще, Тонечка... Я могу тебе сделать праздник и поздно вечером... Смотри-ка, на дворе лето катит...

Кузнецова на предложение пьяного ничего не ответила. Она не стала молчать лишь после повторного его предложения зайти к ней вечером на огонек. Антонида по-озорному подмигнула нахальному управу и тут же отпустила в адрес просителя целую обойму матерной брани. Лопушкин, явно не ожидавший такого «благородства» от селянки, стал быстро ретироваться в сторону лошади, которая уже прилично устала от ожидания своего хозяина. Мужчина, отъехав метров десять от каморки, быстро оглянулся назад. Антонида все стояла и смеялась, засмеялся и управляющий...

Письмо в далекую Германию мать солдата начала писать при электрическом свете, заканчивала при керосиновой лампе. В Найденовке довольно часто отключали свет. Кто отключал его и почему, в деревне никто знал. Кое-кто из умных и справедливых пытался докопаться до истины, но безуспешно. Носителей обещаний по благоустройству умирающей деревни была целая уйма. Особенно в этом преуспевали всевозможные кандидаты в различные советы, которые набегали в Найденовку, словно саранча, когда им «припекало» в одно место. Селяне обещаниям прищельцев верили и отдавали свои голоса. «Достойные» получали в кабинетах власти мягкие кресла со всевозможными материальными довесками. На этом вся деятельность избранных заканчивалась. Через пару лет, а то и раньше, кое-кто из сытых или жаждущих вкусно покушать снова появлялся в селе. Найденовцы опять и снова попадались на крючок...

Ответ матери сыну получился не очень большой, несмотря на то что первое в своей жизни письмо к родному человеку, к воину-интернационалисту она «вынашивала» почти две недели. Антонида писала письмо простым карандашом, шариковой авторучкой она просто-напросто не любила писать. Да и сейчас у нее таковой даже не было. Авторучки в деревенском магазине, не говоря уже о каком-то черниле, отсутствовали. Чуть было не возникли проблемы и с конвертом. Мать, зная о том, что ее кровинушка будет служить целых два года, решила загодя запастись конвертами. Она купила их в районном центре в тот же день, когда провожала своего сына в областной военкомат. Сашка перед тем, как сесть в электричку, успел даже поехидничать над матерью, которая основательно запаслась тетрадами и конвертами. Последние были очень красивые, однако плохо клеивались. Антонида и сейчас пересмотрела их несколько раз. Из двух десятков ей приглянулся только один. Для верности женщина обратную часть конверта смачно прослюнявила и еще протерла куском хозяйственного мыла. Однако при передаче письма деревенскому почтальону у нее вышла осечка. Баба Шура «устаревший» конверт не приняла, объяснив это тем, что в обращение поступили новые почтовые марки и стоят они значительно дороже. У доярки при себе денег не было, хорошо то, что почтальонша ее выручила. Пенсионерка пожертвовала новым конвертом ради пацана, который когда-то ей помогал загонять коров в сарай.

Рядовой Кузнецов в зенитном отделении первой мотострелковой роты первого мотострелкового батальона прослужил ровно полгода. За шесть месяцев простой деревенский «тюфяк» превратился в мощного парня с настоящей солдатской выправкой. После той первой ночи, когда его жестоко избили, Кузнецова уже больше никто не трогал. Молодой солдат уже мог спокойно спать и не подшивать подворотнички или чистить унитазы в ротном туалете. Да и старики с ним здоровались по ручке. «Силач» всем руки протягивал, кроме Макулова, который весной «дембельнулся». Сибиряку этот казах явно не нравился, уж больно он трусливый был. «Старик» больше огня боялся ротного командира, который довольно часто перед ротой подносил мощный кулак к физиономии старослужащего и с ухмылкой шипел:

– Товарищ советский воин, надеюсь, Вы поняли, что это означает...

Макулов хитро блукал глазами по сторонам и заискивающее лепетал:

– Так точно, гвардии капитан...

Затем он виновато опускал голову вниз, как жалкий кот. Через несколько секунд раздавался мощный хохот. Все солдаты прекрасно понимали, что мог означать увесистый кулак мощного офицера. Смеялся и тот, кого прошлой ночью обидел дембель Макулов и его окру-

жение. Кузнецов прекрасно знал о том, что в первом взводе по ночам старики иногда устраивают всевозможные экзекуции над молодыми, но молчал. Александр, как он это «кумекал», делал правильно. Дедовщина процветала в части довольно бурно. Не проходило и дня, чтобы на строевой плац не выводили «обиженных», которым старики что-либо «сделали». Офицеры, всевозможные комиссии и активисты боролись с теми, кто распускал кулаки. Стрелок-зенитчик довольно часто видел, как после отбоя в канцелярии роты горел свет. Командир или замполит «воспитывали» очередного нарушителя. В зенитном отделении каких-либо экзекуций не происходило, ни днем, ни ночью. Отделение было по численности очень маленькое, да и на виду у управления роты. Капитан Макаров называл отделение сержанта Дубровина военной «интеллигенцией». Возможно, за то, что младший командир был со средним образованием. А возможно и за то, что зенитчики никогда не подводили роту, ни на учениях, ни на всевозможных сборах. Рядовой Кузнецов себя к «умным» не относил, но гордился тем, что и он вносил свою лепту в успешные стрельбы.

Силач боксом стал заниматься по-настоящему только ранней весной, до этого было некогда. Часть то и дело посещали разные начальники. Различного рода построения и смотры выматывали солдат и офицеров. В начале апреля вроде наступила передышка и солдат решил по-настоящему заняться спортом. В этом ему никто не мешал. Все жители небольшого военного городка прекрасно знали о том, что самый главный боксер дивизии командует ротой и поэтому с интересом следили за подготовкой достойной смены. Произошла замена и предводителя стариков. После увольнения в запас Макулова его «трон» занял сержант Мякишев, командир отделения. Он ни перед кем не скрывал того, что «воспитывает» салаг кулаком и довольно часто. В минуты откровения он даже и командиру роты напрямую заявлял:

– А почему я, товарищ капитан, не могу воспитывать тех, кто ничего не может или ничего не хочет делать? Меня били и я тоже не против этого сейчас...

На совещаниях сержантов капитан Макаров довольно часто давал «разгон» Мякишеву. Проходило время и тот опять «распускал» руки. Сержант бывал на промывке «мозгов» и у командира батальона. Лично для него в штабе батальона была заведена отдельная тетрадь, своеобразное досье, в котором велся учет правонарушений младшего командира. Здесь также были выдержки из многочисленных указов и постановлений, начиная от Конституции СССР и заканчивая письменными приказами офицеров батальона и его взводного. Вся тетрадь была испещрена подписями сержанта, все это, однако, не действовало. В конце концов терпение воспитателей с погонами лопнуло, сержант был разжалован до рядового и снят с должности. Не последнюю роль в этом сыграл ротный командир. Кузнецов сразу же заметил то, что старик затаил злобу на капитана Макарова. В этом он еще раз убедился, когда стал заниматься боксом.

Уже во время первого занятия на чердаке трехэтажного здания, где когда-то размещались солдаты гитлеровского вермахта, к боксеру, который с большим усердием колотил самодельную грушу, подошел рядовой Мякишев, и как бы мимоходом, проговорил:

– Кузнец, у тебя есть возможность начистить физиономию нашему именитому капитану, а то он слишком мнит себя, считает себя умным и самым сильным...

Александр в ответ ничего не сказал. Он только с презрением посмотрел на длинного и тощего бывшего сержанта, и опять начал с ненавистью колотить грушу. Этой ночью солдат занимался особенно усердно, как никогда. Каждый удар, который наносил боксер, как ему казалось, он наносил не в «морду» капитана Макарова, а в морду тех стариков, которые издевались над молодыми солдатами. Мякишев и другие старики неоднократно посещали тренировку сибирского силача. Предводитель больше нраву молодому боксеру в отношении ротного командира не давал. Старик боялся, что рядовой Кузнецов его «заложит» и понимал, что он лично сам, своеобразный ночной «шах» не только стариков, но и всей роты, был бессилён что-либо сделать этому очень рослому и сильному солдату, который только что перестал быть салагой.

За месяц до Дня Победы рядового Кузнецова по настоятельной просьбе капитана Макарова взяли на спортивные сборы. Руководитель сборов был очень доволен тем, что под его крыло попал такой мощный и красивый парень. Старший лейтенант радостно поприветствовал молодого боксера и одновременно по-дружески похлопал по плечу ротного командира:

– Ну, кэп, держись... Этот салага тебя может и «замочить» на ринге... Я держу пари, что ты его через месяц не узнаешь...

Макаров на ехидное высказывание сослуживца ничего не ответил. Он весело улыбнулся и на прощание протянул руку своему питомцу. Крепко сжав руку солдата, офицер уверенно произнес:

– Давай, Кузнец, дерзай... У тебя все получится, если будешь тренироваться с толком...

Затем он резко развернулся и уверенно вышел из спортивного зала. Александр Кузнецов еще долго смотрел на дверь, за которой только что скрылся его командир. Сборы пролетели для молодого боксера молниеносно. Солдат тренировался до изнеможения, у него ныло все тело, болели руки и ноги. Новичок иногда так уставал, что во время обеда тряслись руки, и он, словно ребенок, разливал из ложки борщ или суп. Тело и душа молодого спортсмена отдыхали только во время сна. Солдат утром сам не просыпался, будил его дневальный или руководитель сборов, который делал очень большую ставку на неожиданную находку. Старший лейтенант Посохов и сам этого ни от кого не скрывал. Поэтому не упускал случая поделиться своей радостью и успехами молодого боксера с командиром части. Слюньков, видя довольное лицо физрука, только улыбался и все повторял:

– Ну, ладно, старлей, перестань хвалиться... Я не верю в то, что из моего полка выйдет какой-либо боксер... Если бы он стал чемпионом мира, то тогда можно было и погугарить о нем...

Будущую надежду Советской Армии по боксу командир части персонально не соизволил принять, не считал нужным. Рядовому Кузнецову было как-то все равно. Посохов же делал все возможное для того, чтобы через победы молодого солдата заявить о себе. И это ему удавалось. На первенстве части по боксу двухметровый гигант прошел вне «конкурса». «Силач» со своими противниками справлялся в первом же раунде. Однако на свои победы Александр смотрел более объективно. Набить «морду» ему удавалось только за счет высокого роста и силы, а может даже и злости. Последней у солдата было хоть отбавляй. Почему это так происходило и откуда она бралась, он и сам толком не знал...

Первенство соединения по боксу рядовой Кузнецов, он же солдатский «Силач», проиграл. Проиграл, как говорят, всухую и в первом раунде. Чемпион дивизии капитан Макаров сначала не хотел выступать на этих соревнованиях. Он решил раз и навсегда распрощаться с боксерскими перчатками. Офицера душила обида на полковое и дивизионное начальство, которое считало его «черню». В том, что против него будет выступать его подчиненный, Макаров нисколько не сомневался. Во всех полках и в отдельных батальонах дивизии не было равных рядовому Кузнецову. Особенно страстно жаждал поединка между капитаном и рядовым, между командиром и подчиненным начальник физической подготовки полка старший лейтенант Посохов. Офицер никаких военных училищ не заканчивал, в армию пришел с гражданки после института физической культуры. Лично сам он особых достижений в спорте не имел. По части витали слухи о том, что у главного спортсмена есть какой-то разряд по лыжам. На складе спортивного инвентаря лыжи вообще отсутствовали. На территории советского военного городка снега зимой иногда вообще не было. Поэтому физрук очень энергично «толкал» молодого сибиряка на боксерский олимп, надеясь таким образом самому засветиться на фоне его славы и успехов.

Выступить на ринге против своего подчиненного солдата Макарова уговорила его жена, хотя сначала Татьяна также была против «трюкачества» мужа. Однако, чем больше она размышляла о предстоящем поединке, тем больше приходила к мысли о необходимости выступ-

ления своего Сашки. Нет, она не хотела в очередной раз доказать какому-то солдату силу и превосходство своего мужа. Офицер за свою небольшую спортивную карьеру не хватал звезд с неба, были у него и поражения. Раньше Санька Макаров, да и его супруга, победы и поражения в большинстве своем пропускали мимо ушей. Сейчас же седовласому мужчине предстояло не только победить, но и доказать, в первую очередь, командиру дивизии то, что он не «чернь», а офицер, человек, который также имеет право на достойную жизнь. Макарова поддержала и его дочурка. Вика после того, как нехотя покинула руки отца, весело пролепетала:

– Папушка, ты должен победить... По-бе-ди-ть, папа...

С образом своей дочурки капитан Макаров выходил и на ринг. Неподалеку от ринга была сооружена почетная ложа, на которой восседали командир дивизии и его заместители. Среди сидящих был и майор Слюньков. Чемпион прекрасно знал, что командование всегда с интересом наблюдало за поединками тяжеловесов. Сейчас же Александра все это окружение не интересовало. Ему просто хотелось быстрее закончить бой и оказаться в кругу семьи... Прозвучал гонг. Макаров уверенно пошел навстречу своему противнику, тот не очень умело перемещался по рингу. Через несколько секунд опытный боксер нащупал слабое место в обороне прыгающего великана и с силой левой рукой ударил снизу вверх в его подбородок. Кузнецов рухнул на пол, словно кто-то его срубил шашкой... Победитель спокойно пролез через канаты и также спокойно покинул спортзал. Макаров знал, что после такого удара побежденный самостоятельно не встанет и не может дальше вести бой.

Чемпион соединения по боксу приехал домой на велосипеде. Штаб дивизии находился в тридцати километрах от города, в котором проходили службу офицер Макаров и рядовой Кузнецов. Татьяна, узнав о победе своего мужа на ринге, крепко его обняла. Затем, поцеловав в губы, со слезами на глазах произнесла:

– Сашенька, у нас в части надвигаются проблемы, да еще какие! Сегодня командирша проболталась о том, что скоро наш полк будут выводить из Германии... Сейчас все только об этом и говорят...

Для капитана Макарова и для его жены, да и для всех обитателей военного городка, эта новость была не такой уже и новой. Ротный командир всегда интересовался политикой, особенно в последнее время. Офицер иногда в силу своей занятости не успевал следить за тем, что происходило на его родине и здесь. Ему, как гражданину Советского Союза, как офицеру Советской Армии не верилось в то, что руководство многомиллионной партии коммунистов так быстро сдаст свои позиции. Не только сдаст, но и предаст интересы завоеваний социализма. От этого ему становилось не по себе. Во время политических занятий многие сержанты задавали очень «трудные» вопросы своему руководителю. Макаров на многие «каверзы» отвечал, на многие изворачивался, на некоторые он и сам ответа не находил.

Не было у него ответов и на то, что происходило на территории социалистической Германии. Немецкое общество бурлило, требовало реальных демократических преобразований. «Роковым» для советских военнослужащих был 1989 год, год сорокалетия образования ГДР. Власти юбилей отметили с большим размахом. 7 октября в Берлине состоялось торжественное собрание, посвященное этому событию. В этот же день по стране прокатилась очередная волна демонстраций. Эпицентрами политической активности населения стали города Лейпциг, Шверин, Коттбус, Карл-Маркс-штадт и другие. Все требовали свободы и демократии... 9 ноября ГДР открыла границу с ФРГ. На следующий день началось разрушение Берлинской стены...

Старший лейтенант Макаров в мотострелковый полк из Забайкалья прибыл через два года после того, когда в Советском Союзе под руководством КПСС началась перестройка. Перестроечные процессы на родине были неотделимы от армии, в том числе и от ГСВГ. Единение армии и народа в полку выражалось в совещаниях, других всевозможных мероприятиях. Они проводились очень часто и нередко порождали среди жителей военного городка ужасные слухи и сплетни. Часть совещаний проводились строго по «ранжиру», то есть информация

давалась по принципу того, что кому было «положено» знать по должностным обязанностям. Несмотря на это, все обитатели небольшого военного городка с погонями и без погон, досконально знали о том, что говорил командир части и его заместители. Не только говорили, но и кого наказывали. Значительная часть офицеров и прапорщиков после «вправки мозгов» осаждала кафе, где продолжалась «переработка» полученной информации от вышестоящих начальников. «Помозговать» было есть о чем и о ком...

Перестройка дала импульс всевозможным мирным инициативам, направленных на разрядку международной напряженности. Это, в первую очередь, коснулось Группы советских войск в Германии, Западной группы войск, самой мощной в мире военной группировки. В 1989 году по инициативе Советского Союза в одностороннем порядке из ГДР были выведены две танковые дивизии, через некоторое время еще одна танковая дивизия...

Эта информация не очень радовала мотострелков, особенно тех офицеров, которые только что переступили «порог» социалистической Германии. Командиру отличной роты капитану Макарову до «срока» оставалось два года. Ни Александр, ни Татьяна не хотели терять это время. И не без причин. Молодая пара понимала, что в Советском Союзе Москва или Киев им никак не светят. Туда поедут кастовые офицеры. Служить опять за Уральскими горами у них явного желания не было, они были сыты по горло Забайкальем. У сибиряков были для тревоги и материальные причины. Отличная рота забирала из семейного бюджета немало денег. Супруга офицера эту «прореху» раньше стойко переносила. Она надеялась, как и ее муж, на очередное повышение кормильца по службе. Прошло больше трех лет, капитан Макаров все оставался на прежней позиции...

Супруги Макаровы в этот вечер сидели за столом довольно долго. Им казалось, что они все переговорили и все обсудили. И не только это. Они подняли тост и выпили за великую Победу великого народа, не забыли выпить за советских офицеров и их боевых подруг. Капитан Макаров в этот вечер в роту не пришел...

Утром следующего дня после построения части командир полка собрал командиров подразделений в офицерском клубе. Майор Слюньков на этот раз был почему-то очень подавленным. Сидящиеся в зале, глядя на плешивого шефа, в очередной раз убедились в достоверности информации «женского» радио. Комполка, набрав в свои легкие как можно больше воздуха, как бы с неохотой, громко произнес:

– Товарищи офицеры! Нам вскоре предстоит с честью выполнить приказ Родины... Нам предстоит передислоцироваться на территорию нашей страны – в Советский Союз...

После этих слов у капитана Макарова екнуло сердце, да и не только у него. Мужчинам в погонах не хотелось верить этой информации. Многие из них тотчас же стали в открытую шушукаться. Плешивый никому на сей раз не мешал, он и сам был не в «парадной» форме. Видя то, что совещание стало напоминать собою что-то похожее на пчелиный рой, командир части громко крикнул:

– Товарищи офицеры! Где Вы находитесь? У тещи на блинах или на совещании?.. Я обращаюсь к Вам, товарищ майор...

Слюньков показал рукой в сторону маленького и толстого офицера, который сидел на последнем ряду и чем-то возмущался. Тот, скорее всего, не замечал обращение командира части и продолжал оживленно что-то говорить капитану, который был его на целую голову выше. Лишь после того, как один, из сидящих рядом офицеров, толкнул «оратора» в плечо, тот молниеносно повернулся в сторону командира части. Увидев недовольное лицо Слюнькова, майор, словно только что прилетел с Луны, сердито пробурчал:

– Я не нарушал дисциплины... Мне просто обидно, что я, майор Советской Армии через день буду ехать в скотском вагоне с одним чемоданом...

На какой-то миг «обиженный» замолк. Затем, как бы невзначай, он произнес очень тихо:

– Нашего командира это не касается. Он уже давно купил себе машину, а то и две... А я, что должен с собою патроны в любимый край везти?

Тут же в зале раздался гомерический хохот. Люди в погонах так сильно смеялись, что казалось, вот-вот упадет вся наглядная агитация, призывающая всех и вся стойко и бдительно стоять на страже завоеваний социализма. Командир части и его заместители, сидящие в «президиуме», на реплику сердитого майора никак не прореагировали...

Буквально через минуту после совещания, на котором были определены «перспективы» пребывания мотострелков на немецкой земле, офицерский клуб опустел. Начальник клуба, которому до дембеля оставалось несколько месяцев, с олимпийским спокойствием закрывал свою «культуру» на замок. Седой майор сегодня никого и ничего не замечал. Политработнику сейчас было не до фильмов и не до книг. Ему, как и всем, жутко не хотелось «уносить ноги». Будущему военному пенсионеру не хотелось дослуживать последние деньки в горячих песках или в глухой тайге. Когда и куда выведут часть никто не знал. Это знали только в верхах, а может, и нет. Многие из «убитых» в душе еще надеялись на чудо, которое называлось в Советской Армии бюрократией. На вывод мощной вооруженной армады требовалось очень много времени, месяцы и даже годы... Кое-кто даже надеялся на то, что вскоре поступит из верхов другой приказ и уже с другим содержанием...

В это чудо в какой-то мере верил и капитан Макаров. Командир отличной роты из клуба рванул сразу же домой, ему было не до личного состава. К тому же, он очень сильно проголодался после «гробового» совещания. Солдаты в этот день обедали и ужинали без ответственных по подразделениям. Жители немецкого города Дахбау не слышали поздним вечером громкого пения сотен солдат во время вечерней прогулки. В казармах царствовала тишина, еще спокойнее было в офицерских домах. Женатые или неженатые мужчины в военной форме размышляли над тем, что делать дальше и что еще можно «ухватить» на немецкой земле.

Второй заход по обдумыванию создавшегося положения у четы Макаровых был намного тяжелее, чем предыдущий. Думы были не ахти веселые. У Александра, от внезапно появившихся проблем, щемило сердце, Татьяна плакала. Седой молодой человек, глядя на свою боевую подругу, то и дело костерил себя за усердие по службе, которое слизало в семье около трех тысяч марок. Сейчас же весь материальный «престиж» молодой семьи упирался в машину-иномарку. Единого мнения по ее покупке у супругов не было. Желание купить приличный «Мерседес» у них то появлялось, то исчезало. Макаров не знал того, куда его пошлют после службы в ЗГВ. Таскаться с машиной по сопкам Забайкалья офицер не хотел. Своей «твердой» Родины ни у него, ни у жены не было. После долгих раздумий молодые люди решили все-таки купить «тачку», на всякий случай. Они не исключали возможности ее продажи в России, дабы хоть как-то существовать. После неоднократных подсчетов возможных и невозможных вариантов муж и жена пришли к неутешительному выводу. На приличную машину у них денег нет, на относительно приличный «шрот» попытаются что-то наскрести. Не исключали они и самый последний вариант. Возле спортивного кафе, находящегося неподалеку от советского военного городка, часть местных немцев складировала использованные автомобили, дабы не утруждать себя поиском официального «кладбища» и не платить деньги за металлолом. К услугам автомобильной свалки прибегал кое-кто из солдат или прапорщиков, многим удавалось бесплатно занять автомобиль.

Старшие офицеры и те, кто был у всевозможных «кормушек», покупали иномарки подороже и посолиднее. Макаров к числу оных себя не относил, хотя сильно завидовал счастливым. Они во время службы умудрялись купить и угнать на Большую землю одну, а то и более «тачек». Жирный кусок доставался тем, кто имел большие звезды и умел воровать.

Наслуху у всех жителей военного городка был яркий пример двухлетней давности. В соседнюю часть приехали два майора, один на должность командира полка, другой на должность начальника автомобильной службы. Приехали одновременно, в один же месяц часть и

покинули. За немецкую «пяtilетку» командир части стал полковником и угнал при помощи прапорщиков три дорогие иномарки. Одну угнал в столицу, шеф хотел получить «теплое» место в Генштабе Вооруженных Сил СССР. Главный «водило» так майором и «засох», в этом ранге его проводили на пенсию. Офицер запаса со слезами на глазах прощался с Боевым Знаменем части. У сорокапятилетнего мужчины была одна отрада – две тачки. Одну он уже успел угнать для сына, на второй – сразу же после прощания с частью поехал на Урал, где собирался заняться пчеловодством. На какие шиши эти офицеры купили машины разное говорили. Если бы они купили «развалюхи», скорее всего, в части была бы тишина. Однако уж больно дорогие тачки были у старших офицеров, поэтому и болтали разное. Владельцы иномарок имели общий денежный источник. Командир тайком направлял солдат к немцам на непрестижные работы, начальник автослужбы продавал бензин...

В этот вечер супружеская пара Макаровых в постель пошла очень поздно. Муж и жена, как им казалось, все и вся в своем обозримом будущем расставили по местам. Александр в этот вечер, как никогда, был уравновешенным. В небольшой квартирке стояла ночная тишина и царил душевный покой. Рядом с ним лежала его любимая женщина. Неподалеку от них мирно сопела единственная отрада – любимая дочь Вика. Насытившись гибким и стройным телом своей жены, глава небольшого семейства на какое-то время опять ударился в размышления.

В эту ночь он уже твердо и бесповоротно пришел к далеко неутешительному выводу. Его военная карьера закончилась, наступило время опуститься на землю и не витать в облаках. В его душе зародился другой человек, который только сейчас окончательно стал понимать мишуру и псевдопатриотизм той системы, в которой он все это время жил и которую несколько часов назад готов был с оружием в руках защищать. От этих неординарных мыслей он почему-то улыбался. Спокойствие души способствовало сну сильного и здорового человека. Через несколько минут Макаров спокойно захрапел. Во сне ему снился ослепительно черный «Мерседес», на котором он стремительно мчался по грязным улицам Читы, где несколько лет тому назад проходил курсантскую стажировку...

Затея супругов Макаровых заняться с утра поиском тачки с треском провалилась. В семь часов к ним громко постучали. Александр быстро одел трусы и стремительно рванулся к двери. Через несколько мгновений перед ним появилась голова рядового Иманкулова. Посыльный, тяжело дыша, громко протараторил:

– Товарищ гвардии капитан, Вас срочно вызывает командир батальона... Он уже был в нашей канцелярии. Он ждет Вас...

Больше солдат ничего не мог сказать. Он только внимательно глядел в глаза своему командиру и ждал ответа. Тот, долго не раздумывая, как и солдат, быстро проговорил:

– Скажи майору Сивому, что я сегодня заболел и лежу с большой температурой... В роте сегодня не буду...

После этого офицер быстро закрыл дверь и в сей миг оказался в постели. Татьяна на появление посыльного никак не прореагировала. Она, как и дочка, продолжала спокойно сопеть. Через некоторое время в дверь опять постучали. На этот раз Иманкулов был чем-то или кем-то возбужден. Не успел ротный открыть дверь, как посыльный, словно заторможенный, медленно и с заиканием произнес:

– Капитан Макаров, он о-о-пя-ять Вас вызывает на совещание... Он меня убьет, если Вы, товарищ капитан, не покажетесь в роте...

В свою отличную роту командир пришел минут через тридцать и сразу же направился в канцелярию. Майора Сиволапова в ней не было. Макаров направился в штаб батальона. За несколько метров до канцелярии он приостановился и прислушался. За дверью раздавался громовой голос майора Сивого, так называли солдаты и офицеры своего комбата в его отсутствии. Солдаты, как огня, боялись своего комбата, который никогда не отличался честностью

или порядочностью. Подчиненные за это ему мстили, обзывая начальника «сивым меринном». За эту кличку было несдобровать даже и офицерам.

Свидетельством этому был случай, который произошел совсем недавно. Начальник связи батальона лейтенант Гоношилов пришел в подразделение подпитым. Командир батальона, узнав об этом, в срочном порядке занялся воспитанием своего подчиненного. Молоденький лейтенант почти полчаса простоял навтыжку и с большим вниманием выслушивал нравоучения начальника. После «промывки» мозгов «литеха» быстренько ретировался за дверь. Через несколько мгновений до майора донеслось:

– Я чихал на этого Сивого и пошел он на...

Сиволапов четко услышал знаменитое русское слов из трех букв, которое во всех странах и континентах планеты Земля переводится без изменений. Майор рванул дверь и стремительно помчался за связистом, тот неспеша спускался по лестнице на первый этаж. Комбат, который был довольно низкого роста и худой, с львиной силой схватил Гоношилова за шиворот и со злостью прошипел:

– Ты, щенок, еще раз услышу это, разобью тебе рожу и посажу на гауптвахту... Ты, лейтенант, меня понял?

Молодой офицер явно тухнул перед напором своего командира и в ответ ничего не мог произнести. Он быстро моргал своими глазами, только и всего. Скорее всего, молчание подчиненного было вынужденным, так как майор продолжал крепко держать Гоношилова и «воспитывать» его отборным матом. От разъяренной физиономии и мата Сивого шархались в сторону солдаты и офицеры, которые сновали вверх и вниз по лестнице. К построению на обед весь личный состав батальона был уже в курсе происшедшего. В этот же день, да и почти во все последующие, офицеры, собравшиеся в курилке, нередко «науськивали» виновника чрезвычайного происшествия. Лейтенант Гоношилов на офицеров не бросался и не обижался. Он только грустно улыбался, иногда даже отваживался более подробно рассказать о своем подвиге...

Отборным матом командира батальона был встречен и капитан Макаров. Сиволапов после «стружки» своих подчиненных явно приустал и поэтому «промывка» командира отличной роты длилась не так долго. Кратковременность воспитательного процесса в некоторой степени определил и сам опоздавший. Исполин с улыбкой смотрел на комбата, который был ему чуть-чуть выше пупа, и молчал. Молчал не без «оснований». Перед уходом в подразделение на семейном совете было решено служить дальше тихо и не «высовываться». Татьяна и Александр на все «забили», в оставшееся время намеревались расслабиться и кое-что купить для себя. У Макаровых в Союзе и здесь каких-либо сбережений не было...

После совещания у командира батальона капитан Макаров зашел в свою канцелярию. Офицеров там не было, в каптерке не было и старшины роты. В спальнях помещениях на кроватях лежало около десятка солдат, остальные куда-то исчезли. В бытовой комнате и в сушилке был беспорядок. Дневальный, вяло козырнув ротному командиру, доложил о том, что личный состав роты занимается согласно плану командиров взводов. Офицер с болью в сердце покинул свою отличную роту. Раньше в этом подразделении все и вся вертелось, двигалось и чистилось...

Прошла неделя после «гробового» совещания, наступила вторая... У «китайцев» за это время ничего существенного не произошло. Полк никакой боевой подготовкой не занимался, да и это уже было бессмысленным занятием. Все ждали приказа о выводе, его почему-то не было. Людей в погонах и членов их семей тревожило и то, что происходило на их родине, в Советском Союзе.

Особенно пристально следили они за информацией, касающейся Западной группы войск. Многие мотострелки были в недоумении, когда читали российскую печать о Советской Армии. Своеобразная святыня стала подвергаться всевозможным приемам и способам опошления, что

подрывало ее боевую мощь. Особенно усердствовали всевозможные писаки газет и журналов, которые в большинстве своем не нюхали армейского пороха и не ели каши из солдатского котелка.

Определенный интерес к Советской Армии, к ее повседневной жизни стали проявлять и средства массовой информации Федеративной Республики Германии. Западным немцам не терпелось увидеть и даже «пощупать» внуков и правнуков освободителей Европы от коричневой чумы фашизма. Летом 1989 года по приглашению западногерманской газеты «Бильд» и при содействии Министерства обороны СССР и Агентства печати Новости группа советских военнослужащих от рядового до полковника в составе десяти человек побывала в Федеративной Республике Германии. Немцы проявили к гостям неподдельный интерес, так как многие из них видели русских солдат в последний раз только во время войны.

Капитан Макаров в составе этой группы не был и нисколько об этом не сожалел. Он прекрасно знал, что всевозможные визиты или переговоры были всего лишь проявлением бумажной дипломатии, и ничем больше. На деле же происходило совсем иное, иногда даже страшное, которое ощущали и видели офицеры и солдаты небольшого военного городка.

Местные немцы все нетерпимее относились к своим друзьям, особенно «заявляли» о себе молодые люди. Днем злопыхатели боялись высунуть нос против советского военного гарнизона, вооруженного до зубов современной боевой техникой и оружием. После падения Берлинской стены кое-кто из жителей Дахбау вообще «распустил» руки. Ночью телефон у дежурного по части иногда раскалялся. Причиной этому были всевозможные вылазки местных немцев. Они иногда бросали камнями в часовых, охраняющих парк боевой техники, который находился неподалеку от опушки леса. Камни и пустые бутылки из-под пива летели и в окна офицерского общежития, расположенного в десятке метров от проезжей части улицы немецкого города. Обитателям трехэтажного особняка строго-настрого запрещалось каким-либо образом реагировать на противоправные действия немцев. Возле контрольно-пропускного пункта части нередко собирались кучки пьяной молодежи, которая горланила и пела песни на немецком языке. Частенько из толпы слышались выкрики на русском языке: «Русские свиньи – вон!» или «Русские – вокзал». Отсутствовала «дружба» и в период выезда на учебные центры. В этом убеждался также и Александр Макаров, когда его рота выезжала для выполнения стрельб и отработки тактических занятий. Во время марша кое-где из жителей населенных пунктов в колонну автомашин кидал камни и бутылки. Участились случаи воровства, порчи оборудования и техники на полигонах.

По информации руководства Западной группы войск в 1990 году со стороны немцев было зафиксировано 163 правонарушения, в 1991 году это число почти удвоилось. В 1992 году таких случаев было уже более тысячи. За 2,5 года от этих действий погибло 23 русских граждан...

Злоба и ненависть местных немцев вызывали определенную тревогу у командования ЗГВ. Всевозможные директивы и ценные указания с верхов поступали в части практически каждый день. Кое-что «свеженькое» давали и офицеры КГБ. Все сводилось к одному – к повышению уровня боевой готовности и укреплению дисциплины. Командир мотострелкового полка майор Слюньков с большим усердием все это доводил до своих подчиненных. Он, дабы обезопасить свою персону от всевозможных чрезвычайных происшествий, довольно часто «садил» офицеров на казарменное положение. Они на это реагировали по-разному. Большинство из них по ночам усердно спали в канцеляриях на солдатских матрацах, кое-кто пил водку или резался в карты. Под особый контроль командира и его заместителей были взяты холостые офицеры и прапорщики, которые, как любил повторять плешивый, «могли занести семя интернационализма в чрево местных проституток». Из-под командирского ока не выпадали также и семьи военнослужащих, имеющие знакомства или связи с местными жителями. Кое-что «добавляли» и сами командиры подразделений. По приказу майора Сиволапова вокруг

казармы в дневное время «дефилировали» два дневальных со штык-ножами. Ночью выставились две пары дневальных, которые меняли друг друга через два часа.

Особой заботы требовали дети и жены военнослужащих. До падения Берлинской стены представительницы слабого пола умудрялись в день пронестись по магазинам городка Дахбау по нескольку раз, не отставали от родителей и взрослые дети. Это удавалось делать без всяких проблем. Официальная информация и всевозможные слухи о недоброжелательном отношении немцев к русским, и даже об убийствах военнослужащих, вызывали неподдельный страх у обитателей советского гарнизона. Кроме водителя и старшего автобуса к старшекласникам, которые учились в школе соседней части, был прикреплен еще один прапорщик. Большинство жен вынуждено было посещать немецкие магазины в сопровождении мужей. Законом для них была также отметка в журнале на контрольно-пропускном пункте части. Командиры регулярно информировали вышестоящее начальство не только о положении дел в своих подразделениях, но и о том, как живут женатые и холостые офицеры, как они проводят свое свободное время...

Рядовой Кузнецов в медсанчасть «прибыл» своим ходом. Молва о жестоком поражении молодого, но очень перспективного боксера, дошла и досюда. Сотоварищи по палате поразному реагировали на поражение сибиряка. Дембель Петька, родом из Украины, советовал после армии идти в бокс, так как сейчас для выбивания денег на гражданке нужна только сила. Хусна, так почему-то прозывали в палате рыжего сержанта, имел другое мнение. Он призывал Александра вообще «прикончить» этот бокс, на такого «слона» вряд ли кто поднимет руку. Природная сила и высокий рост молодого пациента вызвали определенную симпатию и у врачей. Начальник отделения, майор медицинской службы, осмотрев новенького больного, весело произнес:

– У тебя, боксера, думается, просто-напросто легкое сотрясение челюсти и только всего...

Увидев изумленное лицо солдата, который почему-то не мог понять свой диагноз, офицер шепотом добавил:

– Рядовой Кузнецов, Вы не переживайте, все будет в порядке... От таких ударов никто еще не умирал и думаю никто не умрет...

«Болезнь» у боксера протекала без всяких осложнений, врач переломов в челюсти не обнаружил. Кузнецов каждое утро получал какие-то таблетки и пилюли. От чего или против чего они были, солдат не знал. Спрашивать же что-либо по поводу своего лечения он не стал, считал не нужным занятием. Жизнь в медсанчасти для побежденного казалась настоящим раем. В палате все было чисто и удобно, в постели еще лучше. Здесь не было ни стариков, ни строгих командиров. Майор, облаченный в белый халат, каждое утро делал обход. Офицер Кузнецову задавал практически один и тот же вопрос:

– Ну, салага, когда будешь побеждать кубинца Стивенсона? Или ты еще об этом кубинце даже ничего не знаешь?

Пациент на вопрос майора ничего не отвечал, он просто-напросто молчал. Молчал по причине того, что об этом кубинце абсолютно никакого понятия не имел. Да иногда и не до этого было. Его голова сейчас была «напичкана» совсем другим. Пребывание в медсанчасти пополняло «котелок» сибиряка куда больше, чем пребывание в казарме. Кузнецов каждый день, а то и каждый час обогащался информацией, которая доселе ему была неведома.

Основным «светилом» в этом плане был прапорщик Чернов, который находился на лечении уже больше месяца. Старожил был очень низкого роста. Его, наверное, и в армию взяли в порядке исключения. Однако защитник Родины на это не реагировал. К этому «великану», которому было чуть за тридцать лет, как ни странно, тянулись все обитатели палат. Мужчина с копной густых черных волос притягивал буквально всех, как магнит. Не исключением был и начальник отделения. Именно от прапорщика Чернова молодой боксер очень многое узнал из жизни Германии. И все это будоражило ум солдата, который с открытым ртом слушал о том,

как «прапор» посещал немецкие гаштетты и ходил на «сторону». Сибиряк-исполин, глядя на этого человека, почему-то не мог себе представить его с местной немкой в постели или сидящего в немецком культурхаусе. Сомнения Александра во всевозможных способностях бывшего водителя из автомобильной роты постепенно рассеивались, рассеивались с каждым днем.

После обхода врачей Чернов через час или того меньше исчезал в неизвестном направлении. Попытки верзилы найти общепризнанного весельчака и балагура, как правило, заканчивались неудачей. Прапора не было ни в палатах, ни в курилке и ни на улице. Он появлялся только к вечеру, к ужину. Самовольщик, одетый в синюю пижаму и штаны, быстро и легко садился за свой стол и начинал сразу же рассказывать о своих похождениях по немецкому городу. Буквально через несколько мгновений за столом раздавался громкий смех. Двое офицеров, сидящие за столиком вместе с прапорщиком, иногда так громко смеялись, что Кузнецову невольно хотелось что-либо из веселых историй услышать. Он неоднократно вытягивал свою шею к противоположному столику. Как правило, до его уха доходили лишь крупницы анекдота или какого-то похождения. И причиной этому служил презрительный взгляд майора-автомобилиста.

Однажды несостоявшийся чемпион дивизии по боксу чуть было от своего любопытства не пострадал. Офицер, увидев полусогнутое положение молодого солдата, резко повернулся в его сторону и громко произнес:

– Ну, ты, любопытная обезьяна!.. Что ты, боксер, глаза выпучил? Или забыл, как на кухне картошку чистить? Я могу тебе в этом отношении быстро помочь...

Любопытный мгновенно «поставил» все части своего тела на прежнее место и густо покраснел. С этого момента Кузнецов старался больше не поворачивать голову в сторону соседнего стола. Автомобилист выписался через неделю после строгого замечания в адрес солдата. Вскоре выписали и другого офицера, который был соседом Чернова. В этот же день прапорщик пригласил боксера к себе за стол. Солдат сначала отказывался, столик предназначался для офицеров. Сопротивляться было бесполезно. Чернов быстро встал из-стола и стремительно подошел к Александру. Затем схватил его за руку и еле слышно прошептал:

– Ты, земля, не стесняйся, бери от этой жизни все то, что можешь взять... Неужели ты еще не понял смысл человеческой жизни? Такой большой, однако еще и глупый...

Выслушивать философские размышления старшего по возрасту и по званию рядовой Кузнецов дальше не стал. Он поспешно засеменил за прапорщиком и послушно сел за столик.

Общение с Черновым в корне изменило дальнейшее пребывание Александра в медсанчасти. И об этом он нисколько не сожалел. Коротыш оказался земляком начальника отделения. Майор и прапорщик были родом из одной деревни в Кустанайской области. Начальник закрывал глаза на все, что творил его земляк. Делал тот не по уставу довольно очень многое. Чернов, одеваясь в спортивный костюм, в любое время мог разгуливать по городу или заходить во всевозможные забегаловки. Иногда он успевал съездить в свою воинскую часть и забежать в офицерское общежитие, в котором жил. Нередко он приносил и спиртное, которое поглощалось вечером при участии майора-автомобилиста и старлея-минометчика. Узнав об этом, Кузнецов громко рассмеялся. Никто из больных не мог, конечно, и подумать о том, что в небольшом чайнике вместо компота было пиво или другое спиртное. Двое офицеров и прапорщик спокойно сидели за столом и травили анекдоты, одновременно не забывали и «чай» попить.

В первый же вечер пребывания за столиком Александр кое-что узнал из биографии своего неожиданного кумира, которая в прямом смысле его обворожила. Нравилась ему и манера поведения старшего товарища. Во время беседы прапорщик выставлял свой указательный палец в сторону слушателя и тараторил как из пулемета. Иногда он этим пальцем тыкал в плечо сидящего, притом очень сильно. Кузнецов на эти странности не реагировал, так как информация Чернова была очень интересной. Гость в первый вечер к чайнику не прикоснулся, несмотря даже на приказной характер увещаний прапорщика. На второй вечер боксер сдался. Немец-

кое пиво Кузнецов пил впервые в своей жизни, оно ему очень сильно понравилось. Этот пенный напиток сильно отличался от того, который он пил в районном центре, когда учился. У него тогда и сейчас было желание плотно «осесть» в каком-либо кабаке, но не было денег.

После столовой мужчины спокойно перешли через КПП медсанчасти и сразу же оказались в городе. Заметив удивленное выражение солдата, Чернов улыбнулся и сквозь зубы процедил:

– Ты, боксер, не бери все это в голову. Советам сейчас не до контроля... Им скоро всем грозит вокзал и дом родной... Я хожу через КПП в моей части без проблем тогда, когда мой знакомый на дежурстве. Ведь он также не против того, чтобы вечером с молодой женой раздавить лишний пузырек немецкого пива. И здесь в нашей богадельне такие же люди... Для всех скоро лафа кончится... Здесь я не хочу моего земляка подводить... Ему и так не очень везло в этой жизни и в службе...

Кузнецов невольно опустил голову, чтобы лучше разглядеть физиономию своего старшего товарища, и так же невольно спросил:

– А что у нашего майора есть какие-то проблемы? Он ведь еще вроде молодой и как-никак майор... У нас вот в батальоне начальник штаба только майор и на следующий год уходит на пенсию...

Услышав первые самостоятельные рассуждения своего нового сотоварища по столу, Чернов кисло улыбнулся и тихо проговорил:

– Эх, салага! Я вижу у тебя в голове только деревенские рассуждения о том, сколько литров молока дала Буренка или сколько булок хлеба твоя мать купила в магазине, чтобы живот не сводило... А человечество уже давно по другим законам движется и уже очень давно не хочет один только кусок хлеба жевать...

После этих слов прапорщик опять кисло улыбнулся и прибавил шагу. Минут через пять коротыш и стройный верзила оказались в небольшой забегаловке, которая находилась на берегу реки Эльбы. Чернов быстро сел за столик и громко ударил костяшками своей руки по столу. Что это означало Александр так и не понял. Через пару минут подошел официант и принял заказ. Солдат впервые в своей жизни слушал, как советский военнослужащий говорил на немецком языке. Хотя он и ни слова не понял, однако ему казалось, что Чернов в совершенстве знает немецкий язык. Да и сам «маленький», заметив восхищение собеседника, решил его опередить. Отложив меню в сторону, прапорщик весело засмеялся и по-детски прошепелявил:

– Ну, ты боксер, боксишка, ты меня в очередной раз удивляешь... Эти три слова, да и три предложения у нас по наследству передаются... Ты думаешь, что местные немцы нас не могут разгадать... Ты, дружище, сильно ошибаешься. Они нас по стриженным затылкам, да и по нашим физиономиям еще издали определяют. Раньше они нас ох как обхаживали, а сейчас хрена... Они поняли, что скоро мы уйдем и уйдем навсегда, исчезнем безвозвратно...

Дальше Чернову что-либо говорить уже не пришлось. Официант принес два бокала пива, небольшой целлофановый пакет и мило раскланялся. Коротыш сразу же прикоснулся ладонью к бокалу, пиво было прохладное. Он с удовольствием крикнул и поднес свой бокал к бокалу Александра. Затем громко произнес:

– Эх, земля, давай чокнемся и выпьем за нас с тобою... Я ведь, мой братуха, очень счастлив тем, что побывал на этой земле. Ведь только здесь я увидел, как люди живут и как можно жить...

Чернов поднес бокал к губам и сделал несколько глубоких глотков. Примеру своего старшего товарища и наставника последовал и Кузнецов. Крепкое и прохладное пиво мгновенно ударило в его голову. Какой-то неожиданный прилив силы и смелости пронзил его молодое и сильное тело. Затем мужчины принялись уплетать за обе щеки тонкую соломку, которая была очень соленой и одновременно необычайно вкусной. Верзила усиленно толкал соломку

в рот и так же усиленно двигал челюстями. Все это на какой-то миг ошарашило прапорщика, он мгновенно схватил собеседника за руку и пробормотал:

– Ну, салага, остановись... Ты, земля, что с Луны свалился или пришел с необитаемого острова? Мы так с тобою все быстро выпьем и будем сидеть, как буки... Ты, салага, вот посмотри на этих милых немцев, которые сидят ради одного глотка пива целый вечер и о чем-то парашу ведут... Делай и ты, как они...

Кузнецов сразу же быстро покраснел и повел глазами по сторонам. За столиками сидело около десятка посетителей и тихо о чем-то разговаривали. В голову Александра пришла также мысль о том, что за пиво и соломку надо платить. В кармане его пижамы, да и в палате у него не было ни пфеннига, не говоря уже о марках. Солдат низко опустил голову и замолчал. Такое примерное поведение высокого парня Чернова не только обрадовало, но и рассмешило. Он опять взял его за руку и по-дружески успокоил:

– Ты и вправду очень исполнительный, и даже честный. Давай обо всем этом мигом забудем. Ты вот лучше послушай про нашего майора. Удальцов ведь мужик-то башковитый. Служил в Монголии, через пару шагов от нашей границы. Молодой лейтенант в то время холостяковал, многих монголочек попортил. К нему приходили даже сами мужики и просили, чтобы он переспал в постели с их женами. Всем уж больно русские нравились...

Наш начальник влюбился по-настоящему чуть позже, влюбился в дочь местного партийного чиновника. Сам чиновник держал в женах русскую бабу, на которой женился еще во время учебы в Москве. Мужик был страшный, но жену себе выбрал красивую, которая больше всего проводила время в столицах. Мой же земля втрескался в метиску, как банный лист. Да и та была не против брака с молодым офицером, который все свои тугрики тратил на подарки красавице. Он успел ее даже поиметь...

После сказанного Чернов почему-то весело засмеялся и сделал глубокий глоток пива. Затем, посмотрев на противоположный столик, за которым сидела красивая немка с очень пожилым мужчиной, со вздохом произнес:

– К сожалению, дальше у нашего майора все пошло набекрень... Папаша красавицы не горел большим желанием отдавать свою дочь за стройного, но нищего советского офицера. У старика были свои планы. Он горел желанием поженить дочь на немце из социалистической Германии, который в их краях искал воду. Немец был довольно полноватый и рыжий, как веник, но без всякого сомнения богаче лейтенанта. Сам партийный босс к офицеру в общагу не заходил и к себе на ковер не вызывал. Все и вся за всех решил начальник политотдела соединения. После назидательного разговора и ценных указаний полковник стукнул по столу и грозно произнес:

– Лейтенант, не забывай о том, что на территории социалистической Монголии мы должны выполнять свой интернациональный долг, а не плодить детей...

Удальцов, стоящий навтыжку перед начальником, попытался было заикнуться:

– Товарищ полковник, я ведь люблю эту девушку, она же ведь русская, да и имя ее Таня...

Непонимание ценных указаний со стороны подчиненного вывело политработника из себя. Он топнул ногой и строевым шагом подошел к огромной карте, которая висела в его кабинете напротив стола. Начальник повернулся на сто восемьдесят градусов лицом к трудно-воспитуемому, и ткнув пальцем вниз карты, со злостью пробурчал:

– Товарищ жених, а может Вас направить, правда без невесты, сюда, где нет красивых баб... Здесь, в этих песках и сопках тебе будет не до женщин...

Молодой медик чуть-чуть наклонил голову в сторону карты и замолк. Замолк не из-за боязни или трусости побывать в самой глубокой «дыре» прославленного Забайкальского военного округа. Он сейчас понял, что его любимая Татьяна никогда не станет его женой. Устой партноменклатуры, устойчив Советской Армии никогда не дадут ему это сделать. Несостоявшийся жених тяжело вздохнул, вытянулся и привстав на носках глаженных сапог, громко произнес:

– Товарищ гвардии полковник, я Вас понял... Все будет исполнено...

Политработник, увидев преданное лицо медика, весело улыбнулся и неспеша подошел к офицеру. Затем легонько ударил его по плечу и прошептал:

– Это очень хорошо, что товарищ Удальцов правильно понимает политику нашей партии и Советского правительства... Я очень рад, что в этом есть и моя доля...

Полковник от удовольствия стал потирать свои руки, затем, как бы вскользь, с ухмылкой добавил:

– Я знаю, что в вашей части свободная одна только повариха, однако надо терпеть или везти свою жену...

Удальцов в ответ ничего не сказал. Крепко стиснув зубы, он щелкнул каблуками сапог и быстро вышел из кабинета...

Рассказчик на некоторое время замолк и опять пригубил бокал с пивом. Сделал глоток и слушатель. Ему не терпелось узнать, что же дальше произошло с молодым лейтенантом Удальцовым. Кузнецов уставился на Чернова и ждал продолжение захватывающей истории. Тот с ответом не торопился, продолжал молчать. Лишь после того, как прапорщик опорожнил бокал и заказал еще пару пива, он с улыбкой произнес:

– Ну, а дальше? Мой земля остался на бобах... Через полгода в самом Улан-Баторе состоялась свадьба, еще через полгода немец с монголкой уехал в ГДР. Сейчас они живут где-то в Дрездене. Возможно, наш шеф знает ее адрес, а может и нет... Одно скажу точно. После Монголии наш медик служил в Сибири, затем за взятку попал сюда...

Ночь после первого за все время службы «самохода» рядовой Кузнецов не спал. Гражданка, тем более немецкая, заставила его сейчас многое переосмыслить. Та жизнь, которую он прожил раньше, казалась ему почему-то непонятной. В родной Найденовке он жил и вроде не тужил. Учился так себе, лишь бы отбыть номер, дабы и от родителей не влетало. Из его деревни никто великим или богатым не стал. Все девчата и ребята в основе своей «дотягивали» до медучилища или ПТУ. Александр силился вспомнить хоть кого-либо из односельчан, кто поступил в институт или в военное училище. Таковых в его голове не оказалось. Молодой верзила строго жил нравами и устоями своей малой родины. Он так же, как и все ребята, ходил по единственной улице и в магазин за бормотухой. Так же, как и все, в клубе дергал девчат за косы. Так же, как и все, отлынивал от работы, особенно летом, когда палило солнце за тридцать градусов. Что творилось за пределами деревни или в Омино, в других городах большой страны ему было по одному месту. Он так же, как и все односельчане, с восхищением смотрел военный парад в Москве. У него, как и у большинства ему подобных, пробегали мурашки по спине, когда он внимательно разглядывал портреты серьезных и умных членов Политбюро ЦК КПСС, которые висели в сельском библиотеке на самом видном месте... О каких-либо заморских деликатесах молодой повеса так же не мечтал. Да их он и не мог представить. В сельском магазине был всего лишь один сорт самой дешевой колбасы, да и серый хлеб, которого довольно часто не оказывалось уже к вечеру, а то и к обеду. Ливерку разбирали в один миг... Здесь же жизнь была совсем иной...

Очередная вылазка в город с Черновым произошла буквально на следующий день. Да и начиналась она, как казалось Александру, с шиком на всех уровнях. «Самоход» опять произошел по инициативе прапорщика, который почему-то таинственно и загадочно смотрел на своего подопечного еще во время завтрака. Лишь после того, как мужчины вышли из столовой и присели на скамейку, чтобы содержимое солдатского завтрака спокойно улеглось на «дно морское», Чернов выдал свой секрет. Он, слегка ударив молодого друга по плечу, заразительно засмеялся и тихо произнес:

– Ну, салажонок, сегодня мы погуляем, как настоящие люди. Мне завтра уже выписываться. Да и мне, честно говоря, уже порядочно надоело здесь тюльку травить... Я хоть и холо-

стой, однако тоже человек, и хочу кое-что из настоящих шмоток и вещей вывезти из этой страны... А на это надо время...

Через час через КПП вышли двое мужчин, оба были в спортивных костюмах. Один, который был значительно выше другого, нес удочку и сумку. Через минут десять друзья оказались на железнодорожном вокзале. Кузнецов с огромным любопытством разглядывал все то, что его окружало. Особенно ему нравились сверкающие чистотой поезда, которые при подходе к станции Фельдхаус оглушительно скрипели тормозами. Из вагонов выходили пассажиры, в большинстве своем одетые по-летнему. Александр, медленно прогуливающийся по перрону, иногда пристальным взглядом провожал молодых девушек, которые словно стрекозы, легко спрыгивали с подножек вагонов и тотчас же растворялись в многоликой толпе. Александру было не по себе, когда он видел красивых и стройных немок. Чернов, заметив пожирающие взгляды верзилы, специально его злил:

– Завтра скажу начмеду, чтобы он тебе один большой конец отрезал, а то мне еще влетит за разврат молодого салаги... Ты меня слышишь, Санька?

Санька, конечно, все это слышал, но не реагировал. Салаге уж больно сильно нравились некоторые немочки, за которыми ему хотелось ухлестнуть. Ему сейчас даже казалось, что они и сами от него без ума. Однако в голову солдата через несколько мгновений приходили другие мысли, притом довольно страшные. Он на миг представлял суровое лицо ротного командира и его талмуд, в котором стояла подпись стрелка-зенитчика, что он проинструктирован о примерном поведении в период пребывания в немецком городе. За плохие дела виновного по голове не погладят...

Вдохнув глоток гражданской жизни и «поноухав» женский запах, самовольщики направились к реке. Чернов, как и Кузнецов, впервые в своей жизни намеревался ловить рыбу и естественно никакого понятия не имел в этом «ремесле». Друзья, дабы не «засветиться» перед военными патрулями, выбрали место на изгибе Эльбы, где было больше кустарников. Затем они неспеша расстелили на берегу солдатское одеяло и разделись. Увидев добротные плавки на своем наставнике, Кузнецов как можно повыше закатал свои черные солдатские трусы. Николай, так звали прапорщика, в ответ на это только улыбнулся и пошел закидывать удочку. Начинающие рыболовы просидели на берегу больше часа, рыба не ловилась. Александр начал нервничать. Ему не верилось в то, что в этот солнечный день, да еще в немецкой реке не будет ловиться рыба. Из разговора офицеров своей роты, да и батальона, солдат знал о том, что в Эльбе есть много рыбы. Прошел еще час. Рыба клевала, но поймать ее на крючок никак не удавалось. Никто из рыболовов не возмущался, каждый грешил на свою неопытность. Свидетельством этому явился мальчишка-немец, который сидел неподалеку от них и на зависть взрослым довольно часто вытаскивал из воды рыбу.

Прошел еще час, улова все не было. Такой «успех» в конце концов разозлил Чернова и он, тяжело вздохнув, смиренно произнес:

– Кузнецов, кидай эту удочку к черту лещему... Мне уже надоело насаживать червяков и тесто на крючок... Лучше пойдем в гаштедт и смочим горло... Да и у меня уже живот сводит... У тебя, наверное, тоже?

Александр на предложение Николая никак не реагировал и продолжал со злостью смотреть на удочку, которая без всякого движения лежала в воде уже минут двадцать. Не прореагировал солдат на предложение Чернова и тогда, когда тот его легонько хлопнул по плечу. Он опять продолжал внимательно глазеть на удочку. Лишь после того, как наставник смачно выругался, рыболов привстал и лениво пробурчал:

– Братан, ты ведь не знаешь даже о том, что у меня за душой нет ни копыя... Для меня эта забегаловка ничего не значит...

Прапорщик в ответ засмеялся и весело произнес:

– Эх ты, салага! Санька, ты думаешь, что я такой глупый и наивный... Мне и без тебя ведомо, что у советского солдата в кармане ничего нет. Мои капиталы тоже давно поют романсы. Ты ведь не знаешь, почему я здесь долго торчу. Торчу по причине того, что у меня голова немного автомобилем пахнет. Майор в этой технике вообще ничего не волоклет... Я езжу вместе с земелей к немцам и ищу ему авто... Вот он и немного мне подбрасывает. Где он эти марки берет, мне неизвестно, да и зачем мне все это. На пиво есть, бабу в части я имею...

От места дислокации рыболовов до немецкого гаштедта было метров пятьсот, не больше. Кузнецов невольно залюбовался небольшой деревянной постройкой, которая была в прямом смысле втиснута в сосновый лес и находилась в метрах пяти, а то и меньше, от реки. Самовольщиков поразила тишина в довольно просторном помещении, которое было перегородено на две половины живыми цветами. Часть из них находилась в специальных высоких подставках, часть свисала из небольших горшочков, которые были прикреплены к потолку. За столиками было не так уже и много посетителей. На вошедших, как показалось Александру, никто внимания не обратил. Официант, это был довольно толстый мужчина с загорелым лицом, лениво подошел к столику. Заказ был не очень сложный. Минут через пять к русским на столик поставили два бокала пива и две сосиски с булочками. От приятного запаха у Александра потекли слюнки, он уже давно хотел кушать и пить. Едва рыболовы прикоснулись к пиву, как позади их раздался истошный, несколько дрожащий голос:

– Русс, швайне, раус, раус...

Русские невольно оглянулись назад и увидели в самом углу помещения небольшого роста мужчину. На вид ему было лет тридцать, а может и даже больше. Он сидел за столиком один и потягивал пиво из небольшого бокала. Рядом с ним на полу сидела огромная собака с уродистой мордой. Кузнецов никогда не видел такую псину и поэтому не напрягал свои мозги к какой породе отнести это довольно мощное животное. Самовольщики от истошного крика немца и от его страшной собаки на некоторое время даже опешили. Особенно трухнул Александр. Ему не верилось в то, что немцы ГДР могут так по-наглому выгонять его из питейного заведения, которое он посетил впервые в своей жизни. Верзила чихал на это заведение и на этих немцев, если бы его, как и сотни тысяч других молодых ребят, не призвали на защиту завоеваний социализма.

Первым из оцепенения вышел Чернов. Он медленно встал из-за стола и со своей «высоты» презрительно посмотрел на немца, который, словно заводной, продолжал кричать:

– Русс, швайне, вег, раус...

Прапорщик, скорее всего, решил показать свою гордость и независимость перед немцем, рыжая борода которого чем-то напоминала болотную кочку. Николай, сильно сжав плечо своего собеседника, громко по-русски произнес:

– Санька, я еще возьму пачку сигарет назло этому уроду... Пусть знает то, что его никто не боялся и никогда не будет бояться...

На некоторое время наставник армейского салаги замолчал и все смотрел то на немца, то на его большую псину. Затем слегка хлопнул рукой по плечу верзилы и тихо произнес:

– Кузнец, давай собирай наш провиант, на свежем воздухе будет лучше аппетит...

Затем Чернов решительно направился к ресторанной стойке за сигаретами. Посетители пивнушки на инцидент никак не прореагировали, все сидели и молчали. Замолчал и крикун.

Произошедшее в летнем ресторане на берегу Эльбы глубоко запало в душу военнослужащих, им было уже не до рыбалки. Однако нервный стресс не помешал мужчинам утолить голод. Они с громадным удовольствием за один присест расправились с ресторанными остатками. Кузнецову нравилась горчица, которую он намазывал на сосиску. Стараясь продлить удовольствие, он маленькими кусочками откусывал колбасу и с наслаждением ее проглатывал. Молодому солдату Западной группы войск сейчас казалось, что такой колбасы он никогда в

своей жизни не кушал. Неудачливые рыболовы, сидящие на берегу немецкой реки, в этот день очень многое переговорили. В медсанчасть они пришли очень поздно, в палатах все уже спали.

Прапорщик Чернов выписался на следующее утро. Во время завтрака он в последний раз покушал и крепко сжал руку великана. Затем молниеносно встал, и поправив свой китель, строго по-военному произнес:

– Прощай, гвардии рядовой Кузнецов, однофамилец прославленного советского разведчика и не поминай меня лихом... И еще хочу тебе сказать. Не забывай все то, о чем мы вчера весь день гутарили...

От волнения военный неожиданно поперхнулся и громко закашлял, затем стремительно выбежал вон. Чернов вернулся назад минут через пять, неся в своих руках боксерские перчатки. Крепко обняв Александра, он протянул их оторопевшему солдату.

– Саша, бери эти боксерские перчатки... Это тебе подарок от меня и от на-ше-го начальника, – нараспев проговорил он. – По этому поводу я хочу сказать тебе, мой салага, следующее... Меня Бог мощью обидел, тебя же вознаградил. И поэтому запомни одно... Бей физиономии тех, кто этого заслуживает. Одновременно не обижай тех, кто еще не стал дерьмом... Не обижать слабого – в этом есть сила и достоинство сильных людей... Не забывай об этом никогда и нигде...

После этих слов Чернов еще раз похлопал своего молодого друга по плечу и помахал рукой всем тем, кто сидел в столовой. Через несколько мгновений балагур и весельчак исчез за дверью...

Прощание с Черновым очень больно затронуло душу сибиряка. Ему никогда еще в жизни не было так тяжело расставаться с человеком, которого он узнал по-настоящему только вчера, когда ходил в «самоход». К сожалению, самоволка не обошлась без довеска приключений. Почти целый день Александр слонялся по территории небольшого военного городка. Здесь все было так же, как и в мотострелковом полку, который он покинул три недели назад по «техническим причинам». Во время бесцельного шатания голову молодого солдата посещали разные мысли. Однако он практически ежеминутно воспроизводил в памяти все то, о чем вчера его поучал наставник, который только-что покинул медсанчасть. Именно благодаря Чернову, он делал попытки совсем по-иному смотреть на этот мир, который до сих пор в основе своей ему казался чистым и радужным. Александр, размышляя над этим, одновременно восхищался умом простого человека, который был всего-навсего на десять лет его старше...

Приключение в пивной забегаловке на нет свело рыбные страсти прапорщика Чернова. Он даже не прикоснулся к удочке, которая продолжала мирно маячить на берегу реки. Николай весь «кипел» и давал простор своим мыслям:

– Я год назад с этими немцами по городу ходил, когда они отмечали свое сорокалетие. Все улицы и площади были увешаны флагами ГДР и Советского Союза. Все и вся кричали: «Фройндшафт-Дружба». И я кричал... Я думаю и этот рыжий плюгавый орал во все горло... Сейчас почувяли, что мы уходим, решили на нас грязь лить...

Кузнецов в поток всевозможных мыслей и высказываний своего старшего наставника не вмешивался. Он лишь иногда внимательно смотрел на живой «самовар», порою поддакивал, довольно часто опускал голову вниз, словно провинившийся школьник. Чем больше Чернов «кипел», тем больше мотал себе на ус его подопечный о жизни ЗГВ и о ГДР.

Именно в этот вечер на берегу Эльбы молодой солдат впервые услышал от наставника и о советских солдатах-дезертирах, которые почему-то покидали воинские части, кое-кто покидал даже с оружием в руках. Информация об этом в некоторой степени испугала сибиряка. Ему не верилось в то, что в каком-то полку из батальона убежал молодой капитан, прихватив с собою автомат и пистолет. Ведь над этим офицером не могли издеваться старослужащие солдаты! Беглый офицер раньше, конечно, имел больше возможностей, чем простые солдаты, по-настоящему посмотреть гражданскую жизнь обитателей немецкого города, да и всей Германии...

С этими довольно «мутными» мыслями больной засыпал. Рядового Кузнецова выпи-сали ровно через месяц после того, как он открыл дверь медсанчасти. Майор Удальцов после оформления соответствующих бумаг лично пригласил солдата к себе в кабинет и по-дружески посадил его за стол. Затем, полистав историю его болезни, весело произнес:

– Ну, я вижу, что ты сейчас в полном здравии... Это очень прекрасно... Я мог бы тебя еще пару деньков подержать... Ты парень спокойный и вроде не дурак... Но увь, браток, служба... Она требует не только отличной стрельбы, но и больше больных...

На реплику офицера солдат никак не прореагировал, он просто молчал и улыбался. На прощание медик крепко пожал руку Александру и тихо произнес:

– Ну, земля, чеши домой... Да, тебе большой привет от Чернова...

К обеду Александр был уже в своей части. В его солдатском рюкзаке, который ему выделил Удальцов, были одни только боксерские перчатки, бесценный подарок от прапор-щика-автомобилиста и майора медицинской службы.

За время отсутствия рядового Кузнецова в мотострелковом полку произошли перемены, притом очень большие. Это он увидел и почувствовал, как только переступил порог кон-трольно-пропускного пункта. Стрелок-зенитчик не узнавал своих коллег, которые ровно месяц назад передвигались по городку в составе отделений или маленьких групп, ходили только стро-евым шагом. Сейчас перед ним были совсем другие солдаты, которые в прямом смысле бро-дили перед дежурным по части, словно военные строители. У многих ремень висел до «пупа», кое-кто из них плевался. Аналогичная картина была и возле входа в казарму первого мото-стрелкового батальона. Часть солдат сидела на крыльце и курила, кое-кто лежал на лежаках неподалеку от спортивного городка и резался в карты. До некогда больного то и дело доноси-лась матерная брань.

Двухметрового боксера первым заметил рядовой Ильясов из соседней минометной бата-реи, батарея располагалась на одном этаже с мотострелками. Оскалив зубы, минометчик громко закричал:

– Братва, нашего полку прибыло... Наш боксер из санчасти прибыл!.. Земля, дай лапу...

Зеваки в военной форме на появление боксера никак не прореагировали. Этим решил и воспользоваться Кузнецов, который вместо протянутой руки показал «земеле» обыкновенный кукиш и сквозь зубы процедил:

– Пошел ты, говно, чтобы еще после тебя руки мыть...

Поиски офицеров или старшины роты для пришельца оказались безуспешными, из мест-ного начальства никого не было. Не оказалось в подразделении и дежурного по роте. Дневаль-ный, который восседал на тумбочке и внимательно читал письмо, вяло пробубнил сослуживцу:

– Ну, ты, салага, иди в кубрик и жди обеда... У нас сейчас везде покой и дембель... Скоро мы уносим ноги в родные края... Правда, куда и когда, нам неведомо знать...

Только вечером после отбоя в курилке Александр по-настоящему вник в суть бардач-ной жизни в части. Их мотострелковый полк одним из первых покидал Германию, в этом уже никто не сомневался. Неведомы были лишь сроки погрузки в эшелоны и время их отправки. Для многих солдат вывод был большой неожиданностью, в их стан попал и боксер. Ему никак не хотелось покидать благополучную страну. У него невольно появилось желание еще много-много раз побродить по чистым немецким улочкам, попить прохладного пивка и скушать пару сосисок. Эта страсть у верзилы удесятирилось после того, как он с Черновым глотнул воздух гражданки. И не только поэтому. Дала «чаду» солдату и новость, что из ихнего полка сбежали два дембеля, которые попросили политическое убежище у местных властей. Правда это было или нет, никто в курилке лично не брался утверждать или оспаривать. К числу сомневающихся относился и Кузнецов. Он прекрасно знал, что солдатское «радио» не так уже и многое может знать. У командира третьего взвода, который был ответственным по роте, Александр постес-нялся что-либо уточнить. Офицеру, наверное, было не до вопросов от солдата. Лейтенант был

чем-то расстроен и сразу же побежал домой, как только прозвучала команда дежурного по роте: «Рота! Отбой!».

Встреча чемпиона соединения по боксу с проигравшим состоялась после обеда на следующий день. Капитан Макаров с нетерпением ожидал своего побежденного ученика. Не успел еще Кузнецов присесть на скамеечку в курилке, как к нему подбежал дежурный по роте сержант Никодимов и приказным голосом протараторил:

– Кузнец, тебя ротный вызывает к себе на ковер... Давай чеши к нему быстрее, он сегодня опять не в духах...

В том, что дежурный точно «унюхал» плохое настроение своего ротного командира, Александр определил сразу. Капитан на стук в дверь никак не прореагировал и продолжал читать за столом газету «Красная звезда». Лишь после того, как стройный верзила начал печатать шаг по паркету и приближаться к столу, офицер поднял голову и тихо промямлил:

– Ну, наконец-то и боксер Кузнецов прибыл... Я думал ненароком о том, что ты куда-нибудь сбежал... Сейчас немцы только о том и говорят, что в их лесах скрываются десятки тысяч советских солдат с оружием и все грабят...

Кузнецов лихо приподнес ладонь к виску и весело отчеканил:

– Никак нет, товарищ капитан... Я хочу честно служить нашему Отечеству и нашей армии...

Офицер вновь на несколько мгновений уткнулся в газету. Затем откинулся на спинку стула, и постучав костяшками пальцев по столу, с оживлением заметил:

– Ну и хорошо, что мой земляк никуда бежать не собирается... Он полон решимости защищать свой родной и неродной очаг...

Разговора по душам между солдатом и офицером на этот раз не получилось. Подчиненный не был даже приглашен присесть за стол и продолжал стоять по стойке «смирно» перед начальником. Каждый из них чувствовал эту отчужденность и не предпринимал что-либо сделать для начала доверительного разговора, который состоялся между ними почти совсем недавно. Солдат, глядя в глаза своего командира, уже не видел в них тех огоньков задора и уверенности, которые были у него раньше. Он сейчас даже несколько боялся холодного и безразличного взгляда своего земляка. Кузнецов, рассказывая командиру о месячном пребывании в медсанчасти, многое утаил. Он ничего не сказал о прапорщике Чернове, который учил его жизненному уму-разуму. Да и офицер не настаивал на поиске причин столь длительного пребывания подчиненного за пределами части.

Пролетели еще два месяца армейской службы. Стрелок-зенитчик за столь короткое время прилично возмужал и раздался в плечах, даже на пять сантиметров подрос. Александр очень гордился тем, что матушка -природа дала ему отличную фигуру и симпатичное лицо. Он довольно часто мелькал перед ротным командиром и мысленно сопоставлял себя с великаном. На неоднократное появление своего земляка офицер никак не реагировал. Скорее всего, капитан Макаров никого не хотел замечать. Его подчиненные также понимали, что с их командиром что-то творится неладное и тревожное. Все знали, что он довольно долго «сидит» на роте. Кое-кто причиной равнодушного отношения к службе некогда служивого офицера считал неожиданный вывод полка в Советский Союз. Аналогичное отношение к службе было у большинства офицеров и прапорщиков. Солдатам этот вывод каких-либо планов на сытное будущее не ломал, они эти планы и не строили. Все четко знали неписанный закон армии: солдат спит – служба идет. Для каждого из них дембель был не за горами...

Лето шло к своему закату. Какой-либо боевой подготовки в части не было. Слухи о «выносе» то затухали, то возобновлялись с новой силой. Этим определялось и состояние небольшого военного городка, в котором мучились от безделья почти две тысячи солдат и офицеров. Казарменные помещения, согласно указаниям сверху, не ремонтировались. Они оставались на месте. Судьбу довольно старых кирпичных коробок определили власти города

Дахбау. Остальные всевозможные постройки специально созданные бригады солдат ломали и превращали их в хлам. Все то, что могло гореть и не испускать ядовитый газ или дым, сжигали на специальной площадке за парком боевой техники. Кузнецов в этом «балагане» участия не принимал. Капитан Макаров использовал своего земляка в составе зенитного отделения на побочных работах. Зенитчики чистили подвалы и чердаки, иногда их посылали на хозяйственные работы в парк боевых машин. Довольно частенько сибиряк привлекался к патрулированию на территории военного городка, а также за его пределами.

Почти за все лето между капитаном Макаровым и рядовым Кузнецовым не было встреч один на один. Исключение наступило в самом начале октября, когда рота готовилась к обеду. В небольшое спальное помещение зенитчиков прибежал дневальный по роте, и подойдя к Кузнецову, сказал:

– Кузнец, тебя капитан Макаров вызывает... Срочно беги, а то он сейчас на обед отчалит...

Ротный и вправду был уже на старте на обеденный перерыв. Не успел еще солдат и открыть дверь, как тот быстро произнес:

– Ох, елки-моталки, я чуть-чуть было про твое письмо не забыл... Я вчера проверял тумбочки и кровати в первом взводе. Совершенно случайно нашел письмо для тебя у дембеля Исхакова, земляка, уволенного Макулова... Письмо от твоей матери... Даже не знаю, почему оно там оказалось...

Капитан ловко повернулся на стуле и протянул руку к небольшому шкафу, висящему на стене. Вытащив из стопки книг пособие для политической учебы солдат, он быстро его развернул и тряхнул. Из толстой книги выпал помятый конверт. Макаров сразу же протянул его солдату, который с нетерпением ждал весточки из родной деревни. Увидев внезапно набежавшие слезы на глазах подчиненного, офицер с грустью произнес:

– Это письмо я специально положил в пособие. Я знаю, что солдаты эту брехню не читают. Моя канцелярия в последнее время стала проходным двором... Лучше ничего не ложи, а то все уведут...

Письмо от матери Кузнецов решил прочесть несколько позже. В нем кипела злоба и ненависть к тому, кто посмел «присвоить» письмо от матери, которое он с таким нетерпением ждал почти полгода. Одновременно солдат был очень признателен капитану Макарову, который случайно нашел письмо у дембеля. Поиски последнего были недолгими. Исхаков сидел в курилке и с удовольствием потягивал сигарету. Старик, на стремительно приближающегося к нему верзилу, никак не прореагировал. Дембель еще не успел и взглянуть в лицо стрелка-зенитчика, как оказался в его мощных тисках. Боксер со всей бычьей силой схватил обеими руками небольшого казаха за шиворот и за задницу, и затем молниеносно опрокинул его вниз головой. Прижимая голову своей жертвы к автомобильной шине, которая служила своеобразной пепельницей, он громко закричал:

– Дебил, кто тебя просил мое письмо брать и читать?.. Кто, я тебя спрашиваю?

Исхаков, явно не ожидавший такого разворота событий, при каждом соприкосновении своей головы с пепельницей испуганно бубнил:

– Кузнец, Кузя, я литер попутал... Точно попутал...

Такое объяснение и вовсе взбесило «палача». Он стал еще сильнее вдавливать голову дембеля в резиновое колесо и еще более истошно вопить:

– Ах, ты ничтожество, чего ты врешь... Или ты забыл, как зовут твою мать? Я тебя спрашиваю... Как твою мать звать?

Дембель, стучаясь головой то об резину, а то и об землю, скорее всего, понял свою ложь и решил внести коррективы. Он, иногда закрывая рукой свою голову, на много повторяющий вопрос насильника истошно орал:

– Товарищ Кузнецов, мою мать звать Раиса, а твою маму звать Антонида... Тоня, Тонечка...

Торжество справедливости над злом и ложью продолжалось недолго. Силачу в конце концов экзекуция надоела. Вполне возможно, она продолжалась еще несколько мгновений, если бы не душливый и зловонный запах, который неожиданно стала испускать жертва. Боксер брезгливо опустил тело дембеля вниз и со всей силой ударил носком сапога в живот Исхакова. Тот от сильной боли вскрикнул и завертелся на земле, как юла. Кузнецов на вопли своего сослуживца не реагировал. Он с презрением посмотрел на лежащего и смачно плюнул ему в лицо. Затем стремительно направился в сторону небольшого леса, который окружал парк боевой техники...

При подходе к лесу Александр окончательно успокоился и начал выбирать себе место, где можно было раздеться и прочитать первое письмо от своей матери. Найти чистое и не «пахнущее» место или небольшой участок земли ему удалось с большим трудом. Практически весь небольшой лесок был загажен. Везде валялись пустые банки из-под консервов и бутылки из-под пива или водки. Во многих местах мирно покоились «кучки» человеческого дерьма. Кузнецов нисколько не сомневался в том, что все это было «творчеством» гвардейцев мотострелкового полка. Только на самой окраине неподалеку от проселочной дороги он облюбовал одиночную сосну и решил под ней прилечь...

Солдат, тяжело опустившись на землю, осторожно вытащил из кармана куртки помятый конверт, затем вытащил из него два листа ученической бумаги, мелко исписанных материнской рукою. Молодой человек притянул письмо к своим губам и осторожно его поцеловал. В этот же миг перед ним возник образ родной матери, которой ему сейчас очень не хватало. Не хватало и отца. От сыновних чувств к своим родителям Александр заплакал, заплакал очень горько и навзрыд. Затем он весело улыбнулся и громко засмеялся. Почему это у него сейчас произошло, он и сам не мог понять. Вполне возможно, причиной радости было именно это письмо от матери, которое он получил впервые в своей жизни. Раньше в семье никто никому писем не писал. Мать или отец своему непутевому верзиле все указания, да и позатыльники, давали без всяких писем. Сын на все родительские указания и замечания в большинстве своем реагировал вполне нормально. Нередко и огрызнулся, особенно тогда, когда в доме были его друзья.

Сын очень осторожно развернул первый лист и начал медленно читать. Мать писала:

«Здравствуй мой дорогой и любимый сынок Сашенька, здравствуй моя кровинушка!!! Во-первых, строках моего письма хочу тебе сообщить о том, что я жива и здорова. Тебе всего такого же стократ желаю. Хочу тебе, моя кровинушка, описать все по порядку. Наша деревня Найденовка стоит, как всегда. Жизнь в нашей округе стала очень тяжелая и даже страшная. Многие деревенские мужики и бабы не работают, да и негде работать, почти всю совхозную животинушку порезали. Мне Господь Бог еще пока дает работу, твоя пристройка меня согревает. Остальные животноводческие постройки люди растащили по домам. В деревне вся техника разломана, нет бензина, не на чем даже дров привезти.

Отца твоего все нет и нет, я уже не могу по нему больше плакать. Баба Пелагея, ты ее знаешь, которая живет на краю деревни, за день до своей смерти сказала мне о том, что она Николая видела во сне и его будто какой-то дьявол крепко держал в руках. Спрашивать об отце я трижды ездила в Изумрудное, там мне никаких вестей не дали. Я поняла, что всем начальникам не до нашего отца, не до забот простого человека. Я давеча слышала о том, что самого главного милиционера посадили в тюрьму за то, что его жена воровала из магазинов...

Хочу также, сынок мой ненаглядный, прописать тебе и о нашенских людях. За время твоего отсутствия жизнь в Найденовке вся пошла наперекосяк. Зарплату не дают, работы также нет. Вместо зарплаты сын и дочь директора совхоза раздают нам продукты питания под будущую получку. Я даже не знаю того, что завтра мне директорские детки дадут. Наверное, ничего.

Все друг у друга воруют и пьют. Милиция с пьяными не справляется. Она появляется тогда, когда в деревне есть убитые. После Нового года жена Витьки Хуторова зарубила топором своего мужа за его пьянку и прелюбодеяние. Шурка убила своего кормильца понапрасну, ведь сама на сторону ходила. Сейчас некому даже воду на башне качать, к нам приезжает специалист из соседней деревни. Свои мужики все спились, никто не хочет кумекать головой.

Прописываю немного о жизни твоих ребят и девчат. Санька Куркин совсем недавно помер. Он пьяным выпал из КАМАЗа, на котором приезжали городские ребята. Хоронили твоего одноклассника всей деревней. Витька Прыгунов служит в армии, где он служит и как служит, никто об этом не знает. Некоторые говорят о том, что он воюет в горячей точке. Что это значит, я понятия не имею. Сам он еще своему отцу почему-то не написал. Иван Заволокин раз про тебя проспрашивал. Я ему даже твое письмо прочитала. Он тоже прослезился, хотя и крепкий мужик. Полинка Краут уехала в Германию, уже письмо прислала в школу. Пишет о том, что там у них очень хорошо. Уже получили квартиру и купили машину. Полинка к тому же свела с ума и Надьку Петрову, которой обещала найти жениха в Германии. Девка уже всю замучила нашу почтальоншу вопросами о письмах от женихов. Наша новенькая учительница нашла Надьке газету, в которой один старый мужик предлагает молодым девкам интим за границей. Я право не знаю, хватит ли денег у Петровых для этого. Я думаю, с Божьей помощью они найдут денег для своей единственной дочери. Ходят слухи и о том, что Надька уже и сама нашла в Омино мужика, который обещал помочь ей уехать к своей подруге. В этом плане у меня, мой сынок, больше новостей не имеется.

В конце письма хочу и тебя кое о чем спросить. Как тебе на чужбине служится? Кто-либо на тебя обиду держит? Пиши, моя кровинушка, я жду от тебя весточки. Сынок, не опозорь светлую память о нашем прадеде... Низко кланяюсь и крепко целую тебя. Антонида Петровна, твоя мама...».

Даты написания в письме не было. Да и это нисколько не смущало солдата. Он прекрасно знал о том, что из Найденовки в последнее время было очень трудно отправить письмо. К тому же, у матери забот было выше крыши. Сын, наслаждаясь тишиной немецкого леса, еще несколько раз перечитывал письмо своей матери. Во время чтения юноша очень внимательно вглядывался в строчки, написанные химическим карандашом. Некоторые из них были с фиолетовыми подтеками, мать плакала. Пятна от высохнувших слез Александр довольно часто ласково гладил ладонью и прижимал к губам. Солдату хотелось в это время хоть на какие-то доли секунды, а может даже и на всю жизнь, перенять трудности и лишения своей матери...

Антонида Кузнецова в письме к сыну написала только толику правды. Ей не хотелось причинять ему боль, который всегда и в этот миг ее трудной, еще короткой жизни был самым близким и родным человеком на этой земле. Да и сама судьба за время его службы в армии преподнесла ей далеко нерадостные подарки. Она специально утаила от сына гибель своего мужа, отца Александра. Обезглавленное тело старшего Кузнецова случайно нашли на самой окраине областного центра буквально за три дня до нового года. Нашли в сугробе снега возле конечной остановки автобуса городского маршрута. Милиция довольно долго разыскивала родственников погибшего. Пока очередь «дошла» до Изумрудного прошло три недели. Да и Антонида вряд ли бы определила в покойнике своего мужа, ежели бы не примета. Сомнения в «достоверности» мужа частично отпали, когда она увидела на левой ноге отрубленный большой палец. Это увечье мужчина получил еще в школе, когда убирал совхозную картошку. Шестиклассник Колька Кузнецов нечаянно отрубил себе полпальца во время отдыха, когда мальчишки устроили перегонки кто больше изрубит лопатами картофельных клубней. Антонида в морге заголосила, как волчица, так ей было очень больно и обидно за своего мужа. У них совместная жизнь была не малина, однако было кое-что в ней и хорошее. Молодая вдова считала, что они жили нисколько не хуже других односельчан.

Антонида, написав письмо сыну, в котором утаила от него смерть отца, позже об этом нисколько не сожалела. Почти разложившийся труп был местами так изуродован, что женщина и сама иногда сомневалась в подлинности смерти супруга. Из жителей Найденовки тело покойника на кладбище никто не видел, не видела его и вдова. Деревянный гроб с заколоченной крышкой привезли из райцентра и сразу же опустили в яму. Многие из женщин и детей на кладбище не пришли. Их пугало то, что труп односельчанина был обезглавлен. За все время существования деревни такого еще никогда не случалось. Через некоторое время после похорон отца сына-интернационалиста часть жителей Найденовки опять собралась на кладбище. На этот раз хоронили электрика Витьку Хуторова, тоже почти «безголового». Жена жестоко наказала своего мужа за любовь на стороне, ударив его топором по голове. Пострадавшего успели донести до Изумрудного и только. Мужчина скончался в палате еще до прихода хирурга...

Мать солдата поголосила, поголосила об умершем муже и спрятала боль навсегда в своем женском сердце. После смерти супруга на вдову накатились очередные беды. В конце лета у уже безработной женщины ночью кто-то увел корову. В эту ночь в селе не досчитались пяти коров и двух быков. После исчезновения своей коровенки одинокая женщина решила вообще не обзаводиться живностью, не было никакого смысла. Селяне днем и ночью воровали друг у друга почти все и вся, что попадалось под руку. Набеги горожан на маленькую деревеньку также основательно уменьшали домашнюю живность. Мучили Антониду и старые болячки, поясница ныла денно и нощно, скручивало руки. Она пару раз съездила к врачу в Изумрудное, тот ничем не мог помочь, только разводил руками. Опять поехала в областной центр, в кооперативной забегаловке также не помогли. Врач раздел женщину до трусов и уложил на кушетку. Затем огромными ручищами начал мять и бить по позвоночнику, приговаривая при этом: «Да помоги же мне и ей, мой Боже». Деньги сорвал большие, а не вылечил. После костоправа крестьянка целый месяц пролежала в постели, лишь вставала в магазин, дабы успеть купить булку хлеба. Помощи больной женщине ни от управления совхоза, ни от односельчан никакой не было. Каждый жил уже при капитализме с советской окраской. Бывшие партноменклатурщики, они же новоиспеченные демократы в теплых кабинетах делили не только власть, но и народное достояние. Малограмотная женщина все это не только своим умом понимала, но и видела. В Изумрудном главный районный начальник отгрохал себе большой домино, в котором два десятка найденовцев могли бы спокойно уместиться. Директор совхоза, бывший учитель биологии, также не проявлял усердия и заботы о своих односельчанах. Он все время пропадал под Омином, шеф строил себе дом и дачу по европейским стандартам...

Простые люди проказы всевозможных начальников видели и не возмущались. Все было бесполезно, власть жестоко расправлялась с инакомыслящими. Пытался бороться с несправедливостью пенсионер Федор Макеев, раньше он работал в совхозе бухгалтером. Со своими жалобами старик дошел до районного начальства. Там его выслушали, обещали все поправить. Обещали, но ничего не сделали. Зато сам «справедливец» жестоко пострадал. Жалкую пенсию мужчине вообще урезали, ссылаясь на то, что в районе раньше ему неправильно произвели расчеты. Мало этого. Если всем деревенским пенсионерам, хоть и с большими задержками, почтальон пенсию приносил, то дом бывшего бухгалтера баба Шура обходила стороной. Директор совхоза строго-настрого запретил старухе приносить ему деньги. Макеев вынужден был ездить за своей крошечной пенсией в район, довольно часто возвращался ни с чем. Терпение борца за правду в конце концов лопнуло, и он уехал в соседний Казахстан, там жил его старший сын...

Содержание письма от матери солдат «перемалывал» в голове несколько раз и каждый раз приходил к неутешительному выводу. Матери без пропавшего отца жилось очень тяжело. Он также прекрасно понимал, что она еще могла многое плохое из своей жизни от сына и утаить. Это делали почти все родители всегда и везде, дабы не расстраивать своих чад многочисленными проблемами. Сейчас молодого человека душила обида, что за все время службы

он по-настоящему и не вспоминал о матери, не оказывался на ее месте. Александр, будучи мальчишкой, никогда не вникал в заботы и проблемы своих родителей. На семейном столе был кусок хлеба, молоко и картошка. Это было основным и постоянным блюдом для всех и каждого. В доме каких-либо диковинных продуктов питания по причине отсутствия денег не было, но и голодным никто не ходил.

Александр, сын Антонида Кузнецовой в армии также не голодал. К солдатскому рациону, который в основном состоял из каши и рыбы, он привык мгновенно. После того, как верзила распрощался с «салагой», он питался куда лучше, чем раньше. Довольно часто на его столе лежала «добавка», в составе которой был сахар, масло или другие деликатесы очень скудного солдатского меню. Одно он твердо знал, что ни его очередное «звание», ни этот допнаек воинскими уставами Советской Армии не предусматривался. Кто все это положил и почему, сибиряк не вникал. Перед ним почти все заискивали, включая и хлеборежа. Его также никто не «кантовал». С ним за ручку здоровался командир батальона майор Сиволапов. Офицер гордился, что именно в его батальоне служит лучший боксер дивизии в тяжелом весе и поэтому каждое утро интересовался настроением местной знаменитости. Сам же чемпион побежденному после того злополучного поединка руку не протягивал. Александр сразу же заметил безразличное отношение капитана Макарова к себе. Чем это было вызвано, какая кошка пробежала между ними, подчиненный все так и не мог понять...

За своими размышлениями солдат не заметил, как быстро пролетело время. Кузнецов посмотрел на часы и тяжело вздохнул, на «жор» он уже опоздал. Возникшее чувство голода в какой-то мере скрашивала хорошая погода, над леском стояло почти летнее солнце. Лежащему на траве было тепло и уютно, от удовольствия он даже немного прикорнул. Проснулся солдат от неожиданного шума и грохота. Открыв глаза, он увидел перед собою два десятка солдат с лопатами и носилками. На его глазах они начали убирать кучи хлама и мусора, которые были в лесу и вокруг него. Александр, недолго думая, быстро встал и оделся. Затем взял письмо от матери и положил его во внутренний карман куртки. Куда идти для него было все равно и поэтому он неспеша направился в сторону дороги, которая находилась в десятке шагов от леса. Свежий воздух, природная идиллия вновь погружали Александра в жизненные размышления. Причиной этому, скорее всего, было письмо матери. Каких-либо философских мыслей в голове солдата не было. Да они ему и не были нужны. Он очень переживал за свою мать, которая жила в нескольких тысячах километров от него, в глухой сибирской деревне. Сыну, неспеша идущему по дороге, сейчас хотелось все бросить и идти пешком через леса и через реки к своей матери, которую он совсем недавно довольно частенько обижал. Обижал напрасно. Размышления об отце, о ком практически мать ничего не сообщала, и вовсе расстроили молодого парня. Он не удержался и горько заплакал. Идущему не верилось в то, что его отец где-то может погибнуть. Каких-либо грехов ни его отец, ни его мать, да и он сам перед Богом не имели. А то, что отец частенько выпивал, его сильно не тревожило. В Найденовке почти все выпивали, не исключением этому было подавляющее большинство жителей огромной страны. Не гнушались спиртным и офицеры Советской Армии, да и местные немцы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.